

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»
Выпуск 57

Москва 2012 года:
экзамен на «СТОЛИЧНОСТЬ»

Круглый стол
Москва 2012 года: экзамен на «столичность»

30 мая 2012 г.

Участники обсуждения:

Аннинский Лев Александрович,

писатель, публицист

Балдин Андрей Николаевич,

архитектор, книжный график, эссеист

Бортко Владимир Владимирович,

заместитель председателя Комитета ГД РФ по культуре

Голубев Александр Владимирович,

руководитель отдела по изучению отечественной культуры Института российской истории

Горлов Владимир Николаевич,

доцент кафедры экономической и социальной географии России, географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова

Димов Владимир Александрович,

главный научный сотрудник Института экономики РАН

Егерев Сергей Викторович,

генеральный директор АЦ «Ресурсы науки»

Мазурик Виктор Петрович,

доцент кафедры японской филологии ИСАА (МГУ им. М. В. Ломоносова)

Мирошник Пётр Александрович,

научный сотрудник Института демографии, миграции и регионального развития; координатор общественного движения «Архнадзор», редактор сетевого альманаха «IV Rome»

Москвин-Тарханов Михаил Иванович,

председатель Комиссии Мосгордумы по перспективному развитию
и градостроительству

Новицкий Иван Юрьевич,

член Комиссии Мосгордумы по перспективному развитию
и градостроительству

Перов Максим Вениаминович,

вице-президент Союза архитекторов России,
президент НП «Национальная гильдия градостроителей»

Привалов Александр Николаевич,

научный редактор журнала «Эксперт»

Рахматуллин Рустам Эврикович,

координатор общественного движения «Архнадзор», москвовед,
писатель, эссеист

Семаго Владимир Владимирович,

президент ЗАО «Проектная компания Энергопром»

Заседание вёл **Александр Привалов**, научный редактор журнала
«Эксперт».

А. Н. Привалов

Коллеги, приступим к нашему заседанию. Сегодня, в преддверии летних каникул, Никитский клуб собрался по не вполне даже для себя обычной теме. На что уж мы любим и умеем нетривиальную тему сочинить, но тут, кажется, превзошли сами себя. Тема сформулирована так: «Москва 2012 года: экзамен на „столичность“».

В каком-то смысле это наиболее деликатный подход к современной проблеме, какой только можно сочинить: вспомнить, что в текущем году исполняется 200 лет событиям (сдача Москвы, пожар и прочее), доказавшим всей России, что сердце России бьётся в Москве (у русских классиков об этом довольно подробно написано). Упоминание о юбилее 1812-го года — это самый нежный способ обратить внимание на Москву, которую сегодня подавляющая часть наших сограждан довольно сильно не любит. Люди, служившие в армии ещё в советское время, рассказывают, что и тогда москвичей недолюбливали, а сейчас их не любят сильно не только в армии, а фактически везде.

В этом нет вины Москвы как города. В этом нет, пожалуй, даже особенной вины москвичей как москвичей. Сколько нас в Москве москвичей-то, если считать москвичами тех, у кого хотя бы один дед был москвичом. Ну совсем же мало! В этом, наверно, больше вина сложившейся экономико-политической формации в стране — сверхцентрализованной, в результате которой абсолютная львиная доля денег, абсолютно львиная доля полномочий, абсолютно львиная доля всего находится в столице отечества. Это не всем нравится. Больше того, это, по-видимому, будет пересматриваться. Пик сверхцентрализации, без сомнения, пройден. Он теперь будет только отодвигаться назад.

Любовь или нелюбовь к столице — Бог с ней, но сейчас столица значима ещё в одном отношении. Я готов повиниться, если выскажу не общее мнение, но мне представляется довольно консенсусной тоска по большому проекту. Заниматься исключительно делами текущей повседневности, причём понимаемой на совсем простом уровне, — стране скучно, населению страны скучно. Страна думала, что без большого проекта будет жить счастливо, а живёт что-то совсем невесело.

Большой проект очень нужен, но никто не понимает, какой. Вот в качестве некоего суррогата большого проекта полгода назад и появилась идея резкого, быстрого, невероятно затратного, невероятно пышного расширения Москвы как субъекта Российской Федерации. Таким образом, Москва как сверхцентр России, Москва как единственная сегодня заявка на большой проект, новый большой проект, — всё это привлекает внимание к одному и тому же — к Москве.

Привалов А. Н.

Наши сегодняшние докладчики рассудят, в какой степени Москва готова играть эти роли, в какой степени она готова, исходя из самых высоких критериев, называться столицей, и что с ней будет в ближайшее время.

У нас два докладчика — г-н Балдин и г-н Рахматуллин, после выступлений которых мы обычным образом дадим высказаться присутствующим в порядке записи. Если нет возражений, пожалуйста предоставьте слово архитектору, книжному графику, писателю, эссеисту Андрею Николаевичу Балдину. Прошу Вас.

А. Н. Балдин

Я хотел бы подойти с другой стороны и рассказать в двух словах, как вообще возникла эта тема. Не совсем даже тема, скорее повод для разговора.

На протяжении всего этого года я старался регулярно посещать заседания Никитского клуба и внимательно слушать, о чём идёт речь. И заподозрил, что мы всё время (скрытым образом) обсуждаем одну тему, суть которой — кризис Москвы. Кризис умной, сознающей, способной к рефлексии

Балдин А. Н.

Москвы. Мне казалось, что всякий раз мы подходили к этой «внутренней» теме, как-то фиксировали её и затем сворачивали разговор или рассыпали его на попутные подробности.

Наверное, отчасти мне так казалось, потому что я архитектор и много занят Москвой в реальном проектном плане, а также писательском, философском и т. д. Поэтому мне очень хотелось продолжить этот московский разговор.

О деградации Москвы мы говорили прямо, когда обсуждали прошлой осенью проект её «удвоения»¹. Нелепый проект, какой-то комикс: круглый московский колобок прорвало в сторону Калужской области, и на пустом месте нарисовалось это безобразие (кто-то называет его «галстуком» или «юбкой», кто-то более жёсткими словами). Может ли так выглядеть умная и сложная Москва? Нет, это грубая и жадная Москва. Проект поверхностный, внешний, построенный на легко читаемой корпоративно-коррупционной

¹ «Очень Большая Москва». Заседание Никитского клуба, 24 ноября 2011 г.

основе, той или иной политической конъюнктуре и пр. Для меня как профессионала-градостроителя это было свидетельством показательного упадка Москвы.

Примерно такое же впечатление оставило обсуждение вопроса о пустеющем пространстве России². Россия бежит из России, пустеет, «темнеет» (фото из космоса, на которых ночная Европа вся светла, а Россия темна). Суть та же: сложная Россия, умная Москва сами себе скучны, неинтересны и, главное, *беспроектны*. Безбудущны.

Не столь отчётливо эта тема прозвучала в Ломоносовском обсуждении³, хотя, честно говоря, я и здесь услышал, что мы не готовы к разговору с Ломоносовым, мы выглядели бы в этом гипотетическом разговоре не в самом лучшем виде.

И наконец, был ещё один эпизод, во время разговора о революции, когда обсуждалась возможность революции в России. Тогда выступил Сергей Петрович Капица и в числе прочих рассуждений сказал: «Давайте подумаем о России в более сложном ключе, ведь это система большая по знаку сложности. Это не просто страна, но субглобальное образование, *больше чем страна*». Это мне очень понравилось — и формула и, главное, признание большой сложности объекта. Я услышал то, что хотел услышать на протяжении всех этих месяцев. Были произнесены ещё какие-то высокие слова, что Россия — это «мир миров» (Рим не в смысле какого-то пафоса и самовозвеличивания, но в смысле характеристики системы, за которую, по идее, отвечает сознающее сословие России). Но дойдя до этого места, разговор опять ушёл в сторону. Не пошёл вверх — к сложной Москве.

И с этой печалью, которая от раза к разу всё усиливалась, я слушал наши умные разговоры. Вопросы оставались. Как преодолеть деградацию сложной Москвы, как ей начать умнеть? Пока она явно к этому не стремится, напротив, снижает уровень сложности, уровень столичности («римскости») и — провинциализируется.

Поэтому, когда меня спросили, какой могла бы быть тема очередного разговора, я предложил следующую: о провинциализации сознания, об энтропии и варваризации Москвы, о её потерях в иерархическом смысле и прочее. Мне сказали наши уважаемые руководители, что это интересно, но как-то мрачно и беспросветно (беспроектно), разговор выльется в очередные понятные жалобы. И тогда — как некоторое уточнение — возникла тема двенадцатого года.

² «Реванш пустеющего пространства». Заседание Никитского клуба, 25 октября 2011 г.

³ «Что бы сказал сегодня М. В. Ломоносов в Никитском клубе? К 300-летию учёного, просветителя и гражданина». Заседание Никитского клуба, 20 декабря 2012 г.

В этом году будет отмечаться юбилей Бородинского сражения и гибели-возрождения Москвы в 1812 году. Есть повод для сравнения: та Москва и эта. Та, которая ценой великого подвига вернула себе право на столичность, и что такое эта Москва? Так возникла тема: *экзамен нынешней Москвы на столичность*.

Это очень непростое и, на мой взгляд, ответственное сравнение. Воспоминания о 1812 году очень важны для Москвы. Помимо прочего, они носят для неё своеобразный «сакральный» характер. Что такое для Москвы 1812 год? Внешнее нападение, пожар, самоуничтожение и — спасение. И — возвращение в новом, более сложном качестве, когда Москва после войны в определённом смысле восстанавливает свой столичный статус, во многом утраченный в XVIII веке в петербургской России.

Воспоминание о 1812 году для Москвы разворачивается целостным сюжетом катастрофы и спасения. От минуса к плюсу — такова процедура «экзамена 12-го года». По идее, здесь заключена некоторая надежда: если Москва сейчас, в *этом* 12-м году сдаст экзамен на столичность, у неё и у страны есть будущее — сложное, умное будущее.

Но прежде этой гипотетической надежды возникает вопрос: а что перед этим? Что если непременным условием начала возрождения умной, полноценно столичной Москвы являются распад и хаос, смута и атомизация сознания? Не является ли нынешнее состояние интеллектуальной энтропии своеобразной подготовкой к непременному (локальному) апокалипсису? Непременному! Так записано в московской памяти. Без крайнего потрясения, которое в её сознании ассоциируется с переменной времён, Москва не начнёт меняться, не пойдёт вверх, не будет умнеть и «сложнеть». Ей подавай перед тем конец света, никак не меньше.

Возможно, это покажется литературным наворотом, переменной причины и следствия. Нет, мне так не кажется, и вообще — в этом именно месте мои печали об упадке умной Москвы начинают перерастать в тревогу.

Попробую объяснить на примере моего любимого Льва Толстого. Уж он-то, по идее, понимал масштаб событий 1812 года, тем более различал в них определённый связный сюжет. Тот самый — катастрофа и следующее за ней жертвенное спасение. Он различил этот сюжет и спустя полвека подробно и точно прописал его в романе «Война и мир». Так и есть: он рассказывает в своём главном романе, как, по его мнению, Москва погибла и спаслась, и тем самым *сдала экзамен 1812 года*.

Но сначала один предварительный и, на мой взгляд, показательный эпизод.

Как-то раз семнадцатилетним юношей Толстой попадает в карцер. Это было в Казанском университете (до романа ещё очень далеко). Легенда

такова: он ссорится с преподавателем истории из-за трактовки исторического процесса. Трактовки истории как таковой. История, по мнению юного Толстого, пишется неверно. У него есть своя точка зрения на устройство времени, устройство памяти, согласно чему нужно писать историю от человека (чертить её сферой, где в центре человек) и т. д., и т. д., а нынешняя история — вздор, и его отправляют в карцер.

В какой-то момент я добрался до этого карцера, и оказалось, что это небольшая комнатка *на хорах университетской церкви*. В этом «сакральном» помещении Толстой сутки сидит под арестом и продолжает доказывать своему сокамернику, студенту Назарьеву, свою «сферическую» историческую правоту. И, среди прочего, развивает мысль о сходстве Москвы и Рима. Он рассуждает о совпадении Рима и Москвы на следующем примере. Он рассчитывает, что между Бородинским сражением 1812 года и сражением Константина⁴ и Максенция⁵, после которого христианская церковь получила свободу и т. д., прошло ровно полторы тысячи лет. Тут нужно сказать, что молодой Толстой был помешан на нумерологии, и никогда не упускал случая порассуждать о какой-нибудь своеобразной исторической рифме.

В самом деле, битва Константина и Максенция происходит 1 сентября 312 года. Бородинская битва — 26 августа 1812 года. Толстой фиксирует абсолютную, с минимальной поправкой, историческую «рифму»: между двумя событиями — ровно полторы тысячи лет. Но это внешняя канва, «механическая» шкала времени. Главное вот что: 1 сентября 312 года первый, языческий Рим переменялся на второй, христианский. Ровно полторы тысячи лет спустя происходит битва (и сразу за ней самосожжение Москвы), после чего изменяется Третий Рим, изменяется радикально, и, главное, выходит из огня, как будто заново крещённой, новая Москва. Вот они — Рим и Рим, масштаб события, подходящий демиургу Толстому. Очень и очень подходящий.

Здесь нужно сделать шаг в сторону и вспомнить, зачем была нужна Толстому «сферическая», личная история. Затем, что он с детства искал чуда возвращения времени, возвращения рано умерших родителей, и понимал, что для этого нужна своя, особого рода церковь. Это очень важно: Толстой

⁴ Константин I (Flavius Valerius Constantinus; по разным версиям ок. 285, 272–337) — первый римский христианский император, более известный как Константин Великий Святой, «Равноапостольный» римский император. В 330 г. перенёс столицу государства в Византий (Константинополь), организовал новое государственное устройство. Константин почитается рядом христианских церквей как святой в лике равноапостольных (Святой Равноапостольный царь Константин).

⁵ Марк Аврелий Валерий Максенций (ок. 278–312) — римский император (306–312).

с детства строит свою церковь, ищет для того поводы и основания — и находит их в истории, в этих круглых исторических цифрах. В «церковном» карцере Казанского университета он доказывает соседу, что Москва есть Рим и начало новой церкви.

Чудо во времени произошло недавно, в 1812 году, — Толстой весь устремлён к этому событию чуда. Вот что такое для него Москва и 1812 год.

Доказательства — в романе «Война и мир», где у него всё идеально продумано и рассчитано. Толстой рассчитывает события Бородинской битвы и сожжения Москвы, постоянно имея в виду свою римскую «рифму». Его главный герой, Пьер Безухов, видит зеркально точный сон императора Константина. Основатель (освободитель) христианской церкви император Константин видит вещий сон о следующем Риме. Пьер ровно через полторы тысячи лет видит точно такой же сон о следующем московском Риме.

Гибель и последующее спасение Москвы имеют для Толстого глубокий историософский смысл. Я боюсь, что сейчас говорю быстро и пропускаю некоторые детали. Главное тут — скрытый символ: в Москве 12-го года переменяется время, чему предшествует малый апокалипсис — отступление русского войска до Москвы, распад и хаос, Бородинское чистилище и затем истребление Москвы огнём. И затем — спасение и рост, восстановление личности. Так, согласно версии Толстого, Москва сдаёт экзамен 1812 года. Она выходит из этого дыма и огня новым Римом.

Можно подумать, что и это литературные навороты, на что я опять-таки должен возразить: не Толстой выдумывает этот сюжет. Каждый век, каждое начало века (с 1500 года, когда Московия стала самостоятельна в своём расчёте времён) повторяются эти муки очередного рождения Москвы. Переворот времён 1492 года, Смута и распад начала XVII века, апокалиптические петровские реформы, 1812 год, революция XX века повторяют один и тот же связный ментальный сюжет. Катастрофа — и подъем, приятие нового времени, новое сочинение, новый проект. Это — обязательная московская программа, записанная на уровне своеобразной городской подкорки.

Москве как особого рода сознающему полю нужно войти в очередное новое время и для того совершить подвиг, обряд пересочинения, перерождения, распада и затем — спасения. Толстой повторил, переговорил этот сюжет заново, и тем на порядок углубил эту поведенческую колею, ещё раз, на новом уровне сознания узаконил обряд «римской» перемены времени.

Это навязанный, наведённый сюжет, пять раз повторенный и утверждённый в московском сознании как неременная историческая норма. Это не литературная игра, но чрезвычайно соблазнительная для Москвы погибельно-спасительная пьеса.

Роковая пьеса: я помню, как в позапрошлом году Москва вздрогнула во время летних пожаров, она «узнала» их и странно воодушевилась. Мобилизовалась. Выказала готовность к подвигу. Появились добровольцы, экологи, отряды, спасающие лес, жертвующие собой. Вот оно — та самая последняя угроза, за которой непременно последуют важнейшие перемены. И — исчез градоначальник...

Я попытаюсь связать это с тем, что говорил в начале. Москва сегодня (как сложный, умный город) убывает, она в хаосе и интеллектуальном отступлении. Безумный этот проект «удвоения» Москвы есть символ такого отступления. И такое впечатление, что она ждёт очередного знака, пожара или потопа, чтобы найти в себе силы для начала сопротивления. Для сдачи столичного экзамена. Экзамена на римскость.

Я понимаю, что это весьма противоречивое предположение. Вообще, всё что я сейчас говорю, это некие предположения. Я не настаиваю на этом. Но есть «соблазнительная» мысль Толстого, который доказал в своих реконструкциях, что Москва жертвенным образом стала Новым Римом, что новая церковь появилась в Москве 1812 года после очередного подвига и чуда. У Москвы есть этот соблазн ожидания чуда, она ждёт его, ждёт последнего испытания, и пока оно не произойдёт, Москва не пошевелится, хоть на атомы и молекулы развалится.

Мы двигаемся по некоей поведенческой колее, совершаем действия, отмеченные определённым, очень устойчивым ментальным кодом. В этом сказывается наша своеобразная, большей частью скрытая религиозность. Мы не различаем её, как не различаем в «реалистическом» романе Толстого сакральных авторских расчётов, которые должны помочь автору совершить чудо во времени. Такова современная московская религия, которую Толстой (и за ним советская власть, превратившая его в апостола) глубоко вложили в наши головы. Толстой долго рассчитывал, складывал и вычитал Римы, зная, до какой степени Москва (наше вечно ожидающее чуда сознание) чаёт этой сакральной нумерологии. Он победил. И вот наступает его год.

Москве предстоит «юбилейный» толстовский экзамен на римскость. На столичность. Очень интересно, очень тревожно. Примерно такое рассуждение я второпях вам предъявляю. Прошу прощения.

А. Н. Привалов

Спасибо, Андрей Николаевич. Но тут что одновременно и хорошо и, может быть, с Вашей точки зрения, дурно? Тогда, два века назад, к сдаче экзамена на римскость, как Вы говорите, Москву подстрекнули Буонапарте и двенадцать языков. А сейчас к сдаче соответствующего экзамена Москву

никто не подстрекает. Хочешь — сдаёшь, не хочешь — не сдаёшь. Другая атмосфера, не правда ли?

А. Н. Балдин

Я бы так прямо не сказал. Москва сейчас испытывает серьёзное, может быть, не адресное, но существенное давление Запада. Никакого заговора. Тем более Буонапарте. Очень просто: Москва примеряет на себя западные стандарты и очевидно им не соответствует. Год за годом, двадцать лет. Разочарование, отторжение западных уроков очевидно.

Кстати, Толстой..., у меня одна половина головы толстовская. **(В ответ на реплику: «Нумерология»)** Нет, это не нумерология. Толстой возражает не Наполеону, но Западу в целом. Запад — это для него война, Москва — мир. Толстой исследует историю, наблюдает, как за сто лет до него Москва при Петре уступила Западу. и после того целый век рядилась в немецкое платье. «Вот чем это закончилось», — говорит Толстой. Смуты 12-го года, хаосом, приходом Антихриста, отступлением от Немана до Москвы. Вот вам распад Москвы. А петербургская тема? Толстой вообще большой москвофил и ненавистник Петербурга. И то, что происходит сейчас, если выстраивать без нумерологии, а в декорациях сегодняшних, скажем так, ново-питерских, очень напоминает тот же сюжет. И результат: Москва сегодня закатывается в ту же антизападную колею. Она начинает играть в сказку, «сакральную» сказку 12-го года. Она отступает, проигрывает Западу право на большой проект.

Тот же сюжет с конкурсом. Он выглядит почти смехотворно. Выглядел. Сейчас ситуация немножко изменилась, мы об этом поговорим, если дойдёт время, но ведь сначала она пригласила проектировать себя практически только западных специалистов. Условием проведения прошлогоднего конкурса было непременно присутствие западных специалистов. Московские команды были такие, пристяжные. Так мне в большом негодовании говорили коллеги архитекторы. Это я знаю хорошо, потому что одна из таких команд позвала меня в консультанты, и я это наблюдал уже изнутри. Но это другая тема, тем более что и на этом конкурсе ситуация понемногу меняется.

А. Н. Привалов

Понятно, Андрей Николаевич, спасибо. Как-то действительно грозные слова мы услышали.

Рустам, прошу Вас. Московвед, писатель, координатор «Архнадзора», — в общем, Рустама Рахматулина все знают. Прошу Вас.

Р. Э. Рахматуллин

Я здесь первый раз, спасибо большое за приглашение.

Я продолжу, наверное, с того, на чём остановился Андрей, то есть с разговора о римскости Москвы и об экзамене на римскость. Вспоминаю ещё один момент, когда мы держали этот экзамен. Это 1999 год, это бомбардировка Белграда. Я ощущал это именно так. Для нас это был экзамен на восточную римскость, на роль второго Константинополя, то есть такого Рима, который отвечает за безопасность, если угодно, целостность, выживание восточно-христианской Европы.

На мой взгляд, атака на Белград была опосредованной атакой и на Москву. И многие тогда ощутили это кожей и нервами. Мы с Андреем и с некоторыми другими сделали тогда очень дорогую нам работу — приложение к «Независимой газете», целые восемь полос под названием «Восточная Европа: кризис идентичности». Понимая Восточную Европу не как постсоветскую, а как поствизантийскую, то есть Европу, в которую вовсе не входят Чехия или Польша, но входят страны восточного христианства — двенадцать или тринадцать стран.

Это было испытание, которое мы в тот момент провалили. Эти совершенно чудовищные, позорные картинки с изображением президента, склонившегося над стратегическими картами; с какой-то ржавой посудинной под названием «разведывательное судно», которое пыталось выплыть из Севастополя. И воспоминания о том, как самолёты МЧС, гражданские самолёты с помощью, не были пропущены то ли через венгерское, то ли, что совершенно ужасно, через болгарское воздушное пространство. Всё это было, безусловно, испытанием на римскость.

Но мы говорим о Восточном Риме. Бонапарт, который посетил нас в 1812 году, был императором Западного Рима (насколько легитимным — не наша тема), вошедшим с новым крестовым походом в столицу Восточного Рима. В крестоносном завоевании Константинополя в 1204 году император Запада личного участия не принял. Во всяком случае, он не вошёл в Константинополь; 1812 год — первый случай, когда император Западного Рима вошёл в Восточный Рим, но уже не во Второй, а в Третий. Это, на мой взгляд, важный аспект темы 1812 года. Бонапарт не просто указал на Москву как на Рим, он указал на неё как на Рим Восточный.

Здесь, если позволите, немного в сторону метафизического краеведения. Очень интересное наблюдение сделала доктор искусствоведения Мария Владимировна Нащокина [зав. отделом архитектуры Нового времени НИИТИАГ] относительно образно-символической связи между

Петровским путевым дворцом⁶ и константинопольской Софией. Опускаю её доказательства, а вывод такой: это образ конечной цели имперского движения, если понимать имперское движение не как движение колониальное, а как движение сакральное, как движение Третьего Рима ко Второму. И вот в этом храмовидном дворце оказывается — отчасти поневоле, в результате пожара — бегущий из Кремля император Запада [Наполеон]. Он оказывается и в Москве, и в Софии Константинопольской одновременно. Это, на мой взгляд, удивительно. Москва в 1812 году заново стала — а в действительности, не переставала быть — Третьим Римом, то есть новым Вторым.

Когда сегодня мы говорим об экзамене на римскость, мы, наверное, должны иметь в виду и сугубо геополитический аспект: где горизонт московской ответственности, каково целеполагание Москвы в этом горизонте, что она интегрирует? Она — столица пространства, равного себе, довольного собою, столица Великороссии, которая пообтесалась [уменьшилась] в 1991 году, приблизилась к границам времён Ивана III? Или Москва — столица нового интеграционного проекта? Тогда — какого? В горизонте Руси — Россия, Украина, Беларусь? В горизонте восточно-христианской Европы? В каком-то ещё большем горизонте? В пределах совсем новой фигуры — «евразийской» или описываемой аббревиатурой БРИКС? Что интегрирует Москва, когда она проходит испытание на римскость?

Год 2012-й — повод об этом подумать. И не только потому, что это юбилей наполеоновской эпопеи. Мы тихо-тихо пропускаем 1150-летие государственности, которая у нас общая с двумя соседями, но, видимо, в этом формате юбилей будет провален. Я не слышал о готовности соседствующих президентов встретиться на Рюриковом городище⁷. Я ничего не слышал об указах соседствующих президентов относительно юбилея украинской или белорусской государственности. Каждый из них мог бы вынести в название указа слово «древнерусская», и всем было бы удобно. Этот экзамен в двенадцатом году мы тоже проваливаем, возможно, уже прова-

⁶ Петровский путевой (подъездной) дворец на Тверском тракте (ныне Ленинградский проспект) — путевой дворец на въезде в Москву со стороны Петербурга; построен по приказу Екатерины II в 1776–1780 гг. в честь успешного завершения Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. как резиденция для отдыха знатных особ после долгой дороги из Петербурга на подъездах к Москве по проекту архитектора Матвея Казакова.

⁷ Рюриково Городище (Городище) — торгово-ремесленный и военно-административный центр Приильменя; археологический памятник IX в. в 2 км к югу от центра современного Великого Новгорода, при истоке реки Волхов из озера Ильмень (напротив Юрьева монастыря); резиденция новгородских князей, с которой связаны имена многих известных политических деятелей Древней Руси.

Рахматуллин Р. Э.

лили. По-моему, никто даже не знает чисел, когда мы отмечаем 1150-летие государственности.

Совершенно очевидно, что восточно-европейская интеграция также провалена, провалена вскоре после 1999 года, как только мы согласились на участие Болгарии и Румынии в НАТО. Не согласиться на участие в НАТО Украины или Беларуси означало, что мы всё ещё пытаемся интегрировать русский мир. Одновременно согласиться на участие в НАТО Болгарии и Румынии означало, что мы отказываемся от неовизантийской задачи, не правда ли?

Думаю, что события в Грузии 2008 года, которые пошли так, а не иначе, тоже были испытанием на эту восточную римскость, новую римскость, потому что, на мой взгляд, здесь можно было предложить иной вариант ради удержания православной восточно-христианской страны в восточно-европейской системе безопасности и обороны. Ясно, что лишь при взаимном желании. Дипломатия здесь должна быть именно византийской. Я употребляю термин «византийская» с положительной коннотацией. Для

управления таким пространством, для такой интеграции нужна византийская, в хорошем смысле, дипломатия.

Это о геополитическом аспекте римскости. Наверное, у меня не хватит времени сказать о градоведческом аспекте этой римскости, которым я по преимуществу и занимаюсь. Замечу только одно. Драма Москвы как Рима, — теперь я имею в виду топографическое и символическое сходство Москвы с Римом Первым, — так вот драма Москвы как Рима состоит в том, что Риму полагается Константинополь, полагается царское бегство, отрицание, двоение. Это трудность чрезвычайная. Назвав себя Римом, мы вправе ожидать явление следующего Константинополя.

Это очень серьёзный сюжет, который, на мой взгляд, лежит в основе всякой опричнины⁸, то есть всякого двоения в истории Москвы. У этого двоения есть внутренние причины. Например, рождение Москвы на двух холмах — Кремлёвском и Ваганьковском, том, где дом Пашкова. Это причина местная. Болезнь двоения Москвы реализуется через грозненский опричный проект, через Никоновский проект Нового Иерусалима, через петровский проект Яузской Москвы и Петербурга, через лужковский проект «московского Сити», наконец — через нынешний проект «Москвы-2».

Глубокая, неочевидная причина этой болезни — римскость Москвы. И в этом смысле испытание римскостью, проверка на римскость — это проверка на устойчивость к двоению. Пётр Великий полагал себя новым Константином. Это видно из панегирической литературы. Мария Плеханова (Тартуская школа) полагает, что царевичу Алексею ничто бы не помогло, поскольку Пётр помнил о царевиче Криспе, убитом его отцом Константином и ставшем «строительной жертвой» в основание Нового Рима. И в этом смысле никакие подробности следствия и суда над Алексеем не имели значения. И в случае Ивана Грозного гибель царевича Ивана была не столь случайной, как кажется, — об этом писал Александр Панченко⁹. И сам Грозный писал Курбскому: «Вспомни же и в царях великого Константина: како царствия ради, сына своего, рожденнаго от себе, убил есть!» Тут ещё и цитируется Символ Веры, то есть это в самом деле очень серьёзно. Ад слышал эти царские слова в эпизоде будто бы случайного убийства царевича.

⁸ Опричнина (др. — рус., опричный — особый) — особое владение в XIV–XV вв., выделенное членам великокняжеской династии. Название государева удела в 1565–1572 гг. (территории, войска, учреждения); наименование внутренней политики правительства Ивана Грозного в те же годы.

⁹ Панченко Александр Михайлович (1937–2002) — советский филолог, исследователь русской литературы и культуры, академик РАН.

Так что испытание на римскость, повторю, это ещё и *такое* испытание, когда Москва вдруг выходит из себя, и её может возглавить новый Константин. Различие только в том, что Москва — христианка, Москва родилась в лоне Константиновой традиции, и бегущий из неё царь есть мнимый Константин. Что, на мой взгляд, и показал опыт Петра и опыт Петербурга. Петербург в этом смысле — мнимый Константинополь. Но он, если угодно, удавшийся Опричный двор Москвы.

Что касается сегодняшнего проекта двоения Москвы. Он очень странно обоснован, почти не обоснован. Он обоснован примитивными соображениями, и все они как будто москвофильские, промосковские: спасти город от того, сего — от пробок, от чиновников, от переуплотнения, от точечной застройки, от вандализма. Можно долго перечислять.

Такая странная опричнина — с аргументами в пользу Москвы. Но боюсь, что где-то на дне этого движения таится москвофобия. Это трудно доказать, но боюсь, что так. И если бы речь шла просто об удвоении территории, о пресловутом протуберанце, о выбросе периферийной энергии (здесь, наверное, есть физики, они поправят, если я неверно понимаю термин). Но ведь нет. Если мы проектируем в этой второй Москве новый Кремль, сияющий город на холме или даже в овраге, если мы проектируем там новый властный центр, — это никакой не протуберанец. Это деление ядра. А деление ядра и есть та самая изначальная болезнь Москвы. Болезнь, которую удобно назвать *опричностью* по первому прецеденту, но не опричниной, чтобы выйти за рамки конкретного исторического эпизода. Мы входим в этот сюжет пятый, а считая с Тушинским вором [Лжедмитрий II], — шестой раз.

Хуже всего то, что и власть не вполне понимает, что она делает. Очень надеюсь, что сияющий город на холме в Одинцовском районе не возникнет. Если же это будет просто периферийный выброс, землеотвод под застройку, — с ним мы как-нибудь справимся. Но противостоять любому опричному проекту, даже так странно, промосковски себя формулирующему, — абсолютно необходимо. Как необходимо было противостоять «московскому Сити» с его антикремлёвским вызовом, как необходимо было возвращать столицу из Петербурга.

Кстати, это ещё один юбилей двенадцатого года — пропущенный 300-летний юбилей ухода столицы в Петербург. Юбилей, который даже в Петербурге отмечают тихо, а наш петербургский по происхождению дуумвират, видимо, распорядился и вовсе не вспоминать.

А. Н. Привалов

Должен сказать (хотя меня это, конечно, характеризует не с лучшей

стороны, но если уж тут Москву с не наилучшей стороны характеризовали, то и мне не стыдно), что я не услышал ни полслова из того, что ожидал, и услышал массу того, чего не ожидал. Наверное, это скорее хорошо, чем плохо.

Слово Пётру Мирошнику, научному сотруднику Института демографии, миграции и регионального развития (что сейчас особенно актуально), координатору общественного движения «Архнадзор». Прошу Вас!

П. А. Мирошник

Два слова, чтобы разбавить такое количество умных мыслей моих коллег. Раз пошла речь на римские темы, то для меня римская тема в Москве — это институт прописки, который не изжит, а девальвировался до чего-то; это 101-й километр — та граница, до которой сейчас расплылась новая территория Москвы. И я вижу во всём происходящем не какие-то злобные планы опричного удвоения, а некое расплывание, потому что первый раз Москва пересекла МКАД, когда, по-моему в 1986 году, возник район Солнцево. Примерно с тех времён начали рушиться эти римские имперские институты в виде прописки, в виде 101-го километра и пр., распределение кормления с царского стола, — всё это примерно тогда начало валиться. Я думаю, что МКАД была последним на нашей памяти таким укреплённым кругом вокруг города.

То, что происходит сейчас, на мой взгляд, это некая попытка бежать за паровозом, который уже ушёл. К слову, из пяти проектов так называемой Большой Москвы, которые прошли сейчас на второй этап, два из них, я абсолютно точно знаю, это проекты 70-х годов, наши отечественные. Один проект МАРХИ, другой тоже из наших архитектурных кругов.

На мой взгляд, переживать о том, что вот так всё плохо... Да, как бы всё плохо, но это некая фаза сна, усталости, отсутствия энергии. Поэтому Москва — не «золотой город на холме», как говорит Рустам, а, по-моему, некая прорвавшаяся оболочка — прорвавшаяся от старости, от ветхости. Но дальше будет поиск новой формы. Какой — посмотрим. Я не думаю, что в ближайшие шесть-двенадцать, как у нас сейчас принято мерить, что-то будет придумано.

А. Н. Привалов

Спасибо. Мы услышали действительно много интересного. Но мне хотелось всё-таки из времён 1150-летней, 300-летней, 200-летней давности (дивно, что Вы не вспомнили 1612 год, тоже было бы кстати) вернуться немножко ближе. Я совершенно не отрицаю пользы, более

Мирошник П. А.

того — необходимости время от времени подниматься на Палатинский¹⁰ или ещё какой-то холм и оттуда смотреть на то, что происходит здесь. Действительно, видно много интересного, я согласен с сегодняшними выступающими, но и поближе подойти не так уж бесполезно.

Возвращаясь к экзамену на «столичность», как я понимал эту тему до того как услышал докладчиков, я бы сказал, что этот экзамен именно в том и состоит: способна ли Москва сегодня — Москва как нечто большее, чем совокупность прописанных в ней граждан и гостей столицы, Москва как некое в каком-то смысле сакральное целое, — способна ли Москва выдвинуть «большой проект», о котором стоит разговаривать? Я готов согласиться с Петром Мирошником, что, в общем, особенно нажимать на педали нет необходимости. Это же не ЕГЭ, который сдаётся конкретно в тот день, когда Минобр велит. Это же экзамен, который сдаётся, когда ты сможешь, когда ты готов.

¹⁰ Палатин (лат. *Mons Palatinus, Palatium*) — царский холм Рима.

Есть ли шансы на то, что мы сегодня готовы? В частности, есть ли шансы, что после чрезмерного шума по поводу удвоения Москвы, состоявшегося полгода назад, вырастет хоть не очень большой, хоть какой-то проект? Может быть, мы перейдём на такой уровень обсуждения, не забывая отреагировать на то, что услышали в сегодняшних докладах?

Я предоставляю слово в обмене мнениями Михаилу Ивановичу Москвину-Тарханову, председателю Комиссии Мосгордумы по перспективному развитию и градостроительству. Прошу Вас.

М. И. Москвин-Тарханов

Здесь как-то стали говорить высоким стилем и о высоких вещах. Конечно, при этом моя душа воспарила, и тоже захотелось чего-то такого, не столь прозаичного, чем мы обычно занимаемся.

Почему-то мне показалось, что Москва никогда никаким Третьим Римом-то и не была. Филофей¹¹ в переложении Иловайского¹² — вот вам и идея Третьего Рима. Никто себя здесь Третьим Римом не чувствовал, кроме нескольких книжников, к которым принадлежал отчасти Иван Васильевич, понятное дело, Грозный. А Москва — это «Новый Сарай»: немножко Самарканд, немножко Казань; при Сталине — новый Вавилон. Но никогда не Рим — ни Первый, ни Второй, ни Третий. Потому это старая добрая сказка, которую нам бы следовало позабыть, но мы её любим, она одна из наших любимых сказок.

Москва — интересный город. Как говорила Екатерина Великая, которая как раз пыталась создать европейскую столицу, северную такую опрочнину, по-настоящему работала над этим, — она говорила: «Я не люблю Москву. Москва — город вечного бунта, вечного недовольства, и мало того — они смакуют и пересказывают по многу раз все свои подвиги и всё прочее безобразия».

Москва вечно чем-то недовольна, и Москва — город очень оптимистичный. Вот я — человек из старой московской купеческой среды. Для меня 1812 год ознаменовался тем, что сгорело всё, что нам принадлежало, и после этого мы сильно обеднели. Потом Москва построилась, стала красивее. Пожар способствовал ей много к украшению. Оптимистичный город. Весёлый, жизнерадостный город. Грязный. Но хороший. Настоящая восточная столица, украшенная двуглавыми орлами, — но и в Стамбуле они тоже торчат, там есть и другие остатки древнеримской империи. Это

¹¹ Филофей — русский писатель и публицист первой половины XIV в., игумен Трёхсвятительского Псковского Елеазарова монастыря.

¹² Иловайский Дмитрий Иванович (1832–1920) — историк, публицист.

Москвин-Тарханов М. И.

просто то, что притащили да поставили, — не более того! Никогда никаким Третьим Римом, по моим понятиям, Москва не была, и ничего в ней римского не было.

Пришёл сюда Наполеон, увидел Храм Василия Блаженного и сказал: «Боже, мечеть! Это загадочное сердце России, таинственное». Приехал Астольф де Кюстин¹³, и посмотрев на тот же самый Храм Василия Блаженного, сказал: «Боже мой, дыня, канталупа, и разные бутылки в корзинке!». В общем, где-то что-то азиатское, где-то что-то чуть-чуть европейское. Но ничего римского. Вообще ничего! Поэтому Третий Рим, — оставим его.

А вот как родина интеллигенции — да. Интеллигенция родилась здесь, вокруг Московского университета в салонах родилась немножко как «лишние люди», расцвела и тоже была очень оптимистичной — яркая московская

¹³ Астольф де Кюстин (маркиз Астольф Луи Леонор де Кюстин, фр. *Astolphe-Louis-Lonor, Marquis de Custine*, 1790–1857) — писатель, путешественник, приобрёл мировую известность изданием своих записок о России («Россия в 1839 году»).

интеллигенция. Константин Сергеевич Станиславский писал, что Чехов уже умирал, но с каким восторгом он слушал, как сносятся старые дома в районе Красного Села и строятся новые доходные дома. Он просил ему раз за разом рассказывать, как исчезают старые сараи и на их месте возникают прекрасные здания. А потом Константин Сергеевич пишет: «„Вишнёвый сад“, — где бы найти актёра на роль Лопухина, воплощающего новое, борющееся со старым, сносящее это старое!».

Так себя мыслила московская интеллигенция. Так она мыслила себя в эпоху крепостничества, в эпоху отмены крепостного права, в эпоху революции. Интеллигенция начинала как «лишние люди», стала солью земли Русской и заканчивает свою жизнь сегодня как «лишние люди», смотрит только назад, ищет прекрасное в прошлом, медленно тянется за обществом спиной вперёд. И в общем-то, очень скоро и вперёд ногами поедет. То, что родилось как «лишние люди», закончит своё существование как «лишние люди» в новом буржуазном обществе. И я должен сказать это: к сожалению, всё проходит, как было написано на перстне царя Соломона. Да, интеллигенция оставит о себе память, как оставили о себе память гиганты Возрождения, как оставили о себе память разные другие люди в замечательные периоды в жизни общества.

Всё имеет своё начало и всё имеет свой конец. Жизнь интеллигенции не бесконечна. Поэтому когда мы слышим разговоры о том, зачем что-то присоединяется (видите, куда я выворачиваю?), зачем куда-то что-то идёт, я вспоминаю ту Москву, старую купеческую. А что, разве плохо? А разве не интересно попробовать, а разве мы не можем? А почему мы всего боимся? А почему мы тут же ищем опричный двор, какие-то ещё разные другие страсти? Лишь бы ничего не делать, лишь бы смотреть в прошлое, лишь бы плакать о несбывшемся! Искать особняк, где там кто жил в подвале и почему он там жил. Снова плакать над ним. На самом деле плачем мы над собой. Мы умираем.

А. Н. Привалов

Ну, вот видите: ответ на вопрос, выдержит ли Москва экзамен, неважно какой — на римскость, на столичность.

И. Ю. Новицкий

Можно в дополнение к выступлению Михаила Ивановича? В продолжение выступления коллег и Михаил Ивановича я бы хотел поставить вопрос и дать на него ответ, с которым, я думаю, большинство согласится.

Вопрос заключается в том, хотим ли мы видеть Москву как столицу сырьевой окраины мира или как столицу Евразийского союза, развивающегося,

Новицкий И. Ю.

имеющего большие перспективы для развития? Я также думаю, наверное, здесь не так много сторонников переноса столицы из Москвы в другие города, регионы и части нашей России. В такой ситуации, если мы договорились, что историческую Москву всё-таки надо сохранять в центральной части города, если всё-таки мы хотим иметь столицу Евразийского союза (кто-то называет это «Третий Римом», кто-то ещё как-то, но всё-таки претензии такие у России есть, и мы снова говорим про собирательство земель), — значит, для развития города и мегаполиса нам необходимо развивать экономический центр, необходимо развивать финансовый центр, дальше развивать науку, культуру и не забывать об охране природы. Всё это предполагает развитие города.

В пределах существующей Москвы именно к нынешнему моменту территорий для развития у нас практически не осталось. В пределах МКАД, конечно, есть промышленные производственные территории, которые тоже надо иметь в виду. При дальнейшем обсуждении Генерального плана, правил землепользования и застройки и прочих специальных документов,

которые принимает Мосгордума, конечно, эти территории тоже как-то будут задействованы: какие-то сохранены для науки и промышленности, какие-то будут развиваться. Но территории всё равно на всё не хватит.

У нас остался, и то за пределами МКАД, один незастроенный район, который называется Молжаниновский, около Шереметьевского аэропорта по Ленинградскому шоссе. Поэтому с неизбежностью возникает тема развития, расширения Москвы, если мы хотим именно такое развитие Москвы. Хотя, оговорюсь, надо развивать не только Москву, а всю Россию и другие центры — и Сочи, и Петербург, и Дальний Восток, о чём тоже говорится, с этим все согласны. Но если мы хотим развивать столицу, значит, нужно её развивать, в том числе и строить. Строить в пределах радиально-кольцевого города больше нельзя, значит, надо как-то развиваться.

Градостроители говорят, что радиально-кольцевая система себя исчерпала. Нельзя дальше присоединять территории соседних муниципальных образований Московской области по кольцу, расширяя его дальше. Значит, необходима некая вытянутая структура. Вытянутая — в каком направлении? В сторону Петербурга, северо-запад не очень подходит. На северо-западе уже есть Зеленоград, чуть севернее там уже идут водохранилища, охранные зоны, территории лесопаркового защитного пояса. Методом исключения опять же возникает юго-запад, который сейчас уже присоединён. И дальше уже идёт освоение территорий, на которые понадобятся многие десятилетия. Придётся много думать, размышлять, дискутировать, обсуждать и принимать разные программы — и стратегию и концепции, опять же принимать генплан землепользования и застройки.

Всё это нам предстоит, если мы действительно хотим развития мирового центра, будет ли это Евразийский союз или взаимодействие, как было правильно сказано, в БРИКС. В БРИКС входят крупные страны, и чтобы с ними и тягаться, и взаимодействовать, нам нужны эти присоединённые территории, чтобы развиваться с точки зрения центра науки, культуры, образования, финансов, наукоёмкой промышленности, при сохранении исторической и культурной Москвы. И в этом случае мы сможем удовлетворить и тенденции развития, и тенденции сохранения культурного и исторического наследия, о котором мы так много говорим и с чем мы, конечно же, соглашаемся.

А. Н. Привалов

Мне представляется чрезвычайно неплодотворным использование штампов, которые давно опровергнуты. Какой мировой финансовый центр? С тем фондовым рынком, который в этом здании соблюдается (заседание проходит в здании ММВБ-РТС. — *Ред.*)? Вы шутки шутите?

Какой перенос столицы? Перенос столицы если происходит в каком-то государстве, то он происходит как некая не основная, но важная часть большого национального проекта. Вы предъявили национальный проект, в рамках которого надо переносить столицу из Москвы? У вас есть деньги на перенос столицы из Москвы? Зачем говорить пустые слова? И совершенно немислимо говорить о развитии Москвы в самоочевидной, якобы, связке: развивать Москву — значит присоединять к ней территории. Помилуй Господи, зачем?

Ни одна столица мира не развивается административно. Люди договариваются с Большим Парижем, с Большим Нью-Йорком, с Большим Лондоном. Люди договариваются с соседними муниципиями, ничего не расширяя, потому что когда люди договариваются с соседней муниципией, они не делают вид, что у них есть проект. У них действительно живое, развивающееся тело. Оно больше общается с соседями, это требует большей активности, договариваются о совместном строительстве каких-то магистралей, совместных уступках в налоговой политике, о чём-то ещё.

Присоединяя территорию, мы делаем вид, что что-то сделали. Никто же не спросил, зачем мы присоединяем территорию, что там будет? Там будет новое правительство? Вы в это верите? Вы серьёзно верите, что кто-то найдёт ладно деньги — деньги гигантские, сейчас не в них дело, — вы верите, что кто-то найдёт рычаг, чтобы господ чиновников выковырнуть из центра Москвы? Вы это серьёзно? Чиновники — цари этой страны. Чиновники — правящий класс. Можно поинтересоваться, кто их выковырнет из центра Москвы? Значит, этого не будет. А что там будет? Торговый район? А кто там будет покупать? Кампус? Замечательно, я был бы в восторге: кампус, — сделать новый молодой город, который сам по себе будет развиваться. Отлично. Этого же никто не сказал. Хаб? Сделают из Домодедово суперхаб? Этого тоже никто не сказал.

Само по себе присоединение территорий кажется поступком. Это не поступок.

Слово предоставляется Владимиру Владимировичу Семаго, который представляет «Проектную компанию „Энергопром“».

В. В. Семаго

Уважаемые коллеги, я хочу сказать, что я не представляю «Проектную компанию „Энергопром“», потому что она несколько месяцев назад разорилась. Отсюда и следует лейтмотив моего выступления.

Было несколько исторических экскурсов и попыток рассказать о стройной системе преобразования Москвы через двоичную систему, через какие-то исторические события. Я с вами могу согласиться. Действительно,

Семаго В.В.

каждому изменению облика Москвы предшествовало какое-то историческое событие, даже пожар, он тоже, в общем, историческое событие.

Мы сегодня живём в процессе и временном периоде, когда нарушена эта цепочка исторических моментов. Мы с вами стали свидетелями, если хотите, жертвами (ну, Городская дума — свидетелями, мы с вами — жертвами) вот чего: Москва впервые в истории своего развития стала предметом продажи. Несколько десятилетий назад как-то люди для себя поняли, что Москва — очень привлекательный компонент для продажи. И уже не логика развития города, не попытка каким-то образом изменить структуру взаимоотношений в самом мегаполисе, а желание продавать здесь землю, чтобы на ней строить жильё, которое, в свою очередь, продаётся. И продавать это жильё, зарабатывать на этом деньги. Этот концепт очень важен для сегодняшней Москвы. И в какой-то момент он себя перенасытил. Возникла ситуация, когда строить так вот хаотично и продавать стало затруднительно.

Мы были как магазин для продажи жилья. Кто в этом виноват? Городская дума? Безусловно, нет, потому что они люди подневольные, им чего скажут,

то они и делают. Наверное, такую скверную шутку сыграл с нами злой рок, который висит над современной, сегодняшней Москвой.

У нас для примера, конечно, есть в Европе такой хороший город, как Гаага. Это административный округ. Это не столица. Столица — это всё-таки Амстердам, где живёт королева, она там иногда бывает, а все административные учреждения высшего уровня вынесены в этот маленький городишко, который в девять часов вечера засыпает. Там нет культурной жизни. Там есть учреждения, посольства, министерства, ведомства. И всё!

Надо ли было городить огород, чтобы сегодня обсуждать нам с вами этот выброс, протуберанец, как тут говорили? Думаю, что нет, потому что мы с вами свидетели просто чудовищного, варварского отношения к родному городу. Мы должны этот фактор учесть. И второе — задаться вопросом: мы что, расширившись дальше, собираемся опять это продавать? Опять строить новое, чтобы кто-то наживался и двигался дальше в своём стремлении обеспечить себя материально?

Ещё один аспект, на который я хотел бы обратить ваше внимание, в том числе и представителей Городской думы. Мы с вами говорим о сохранении нашего города, и многие, в том числе Архнадзор, конечно, пекутся вместе с горожанами о том, чтобы сохранить исторический облик Москвы. Понятно, что мы его уже не удержали. Понятно, что многое уже разрушено, хотя есть концепт французский или концепт европейский, когда старые дома объединяются через постройку на заднем дворе, через большое крупное здание, а фасадная составляющая остаётся в том виде, в каком она была много-много веков назад.

Мы пошли по другому пути. Мы создали структуры, которые хищнически отнеслись к городу. Раньше чиновники из УГК ОИП, сейчас это Москомнаследие, шли по очень интересному пути. Вроде бы красивая оболочка — такая же оболочка, как сейчас: расширение Москвы, выброс, и выявилось создание абсолютно нового концепта. Чиновники действовали следующим образом. Они брали неплохое здание, внешне похожее на историческое, на самом деле таковым являвшееся, объявляли его без всяких для себя умственных и физических сложностей вновь выявленным памятником, что давало им возможность без конкурса отдать это знакомому арендатору. Знакомый арендатор — это интересно будет депутатам Городской думы — вкладывал деньги в это здание, создавал его, ремонтировал. А потом возникало «провидение», и Москомнаследие говорило: а вы знаете, это не вновь выявленный памятник, мы ошиблись. А здание, уже отремонтированное, оставалось у этого арендатора, и ему ничего не оставалось делать, как приобрести его в собственность. Просто здание.

Я знаю как минимум восемь таких примеров. С одной стороны — внешний камуфляж: мы хотим куда-то двигаться, мы хотим что-то создавать. А внутренняя сущность — бесконечная продажа того сладкого, что называлось Москва.

Сегодня, касаясь этой темы, давайте чуть приземлимся в своих рассуждениях, отойдём от историчности, от уровня нашего высокого художественного внутреннего самосознания, и мы ощутим, что живём в эпоху тотальной воровской экономики. Москва стала одной из первых жертв именно этого процесса. И говорить сегодня высоким научным языком, в том числе и с трибуны Городской думы, о том, что мы сейчас переосмыслим, как мы хотим развиваться... Москва, безусловно, исторически развивалась. Возникали новые поселения, и слобода какая-то возникла, какие-то мануфактуры, но это было искренне с точки зрения экономического, исторического развития.

Сегодня, повторяю ещё раз, мы с вами просто продали город, а теперь пытаемся со скромным видом говорить, давайте объясним, почему мы его продали. Не мы, а те, кто его продал.

А. Н. Привалов

Спасибо, но это разговор о вчерашнем дне. Собственно, власть в Москве сменилась ровно потому, что та эпоха закончилась. Как сказано в старинном анекдоте: «не потому что осознал, а потому что иссяк». Естественно, что нужно что-то другое; что прежняя распродажа уникального столичного ресурса просто невозможна. Он кончился. Это понятно. Непонятно другое. Мы всё-таки говорим о возможности или невозможности Москвы в её сегодняшнем виде — с её сегодняшними жителями, с её сегодняшними архитекторами и градостроителями, с её сегодняшними властями, с федеральными властями, которые тоже здесь в Москве, — способна ли она в таком виде породить проект? Вот о чём идёт разговор. О том, что в последнее время сильно воровали, Владимир Владимирович, видит Бог, мы все здесь знаем.

В. В. Семаго

Я просто хотел тональность поменять.

А. Н. Привалов

Тогда ещё один Владимир Владимирович. Прошу Вас, господин Бортко.

В. В. Бортко

Большое спасибо, уважаемый господин председатель!

Дорогие друзья! Судари мои, как говорили в Москве, я попытаюсь

Борзко В. В.

подойти к предмету с точки зрения проклятого петербуржца, который «терпеть не может Москву», считая живущих здесь довольно грубыми людьми. И, в общем-то, город какой-то странный, но я живу здесь уже полгода, то есть родился в Москве, но долго здесь не жил. Я родился в Москве, я москвич по рождению, но потом как-то получилось, что лет шестьдесят с чем-то я тут не жил. Иногда приезжал, но не жил. А сейчас уже полгода работаю в Государственной думе.

Я езжу к месту работы в Государственную думу в центр Москвы со стороны Мосфильма, с улицы Пальме, и каждый раз думаю: что это такое, что мне напоминают пейзажи вокруг? И вдруг я чётко сформулировал себе: кишлак! Обыкновенный кишлак. Я снимал кино в Душанбе, был в кишлаках. Он построен таким же способом: там и сям, с точки зрения петербуржца, набросаны разного рода архитектурные памятники разных эпох. Прямо посреди кишлака.

Кстати сказать, и политическая власть тоже очень напоминают такую же картину. Она диктуется образованием. (**Реплика:** «Гармонично») Да, очень

гармонично, поэтому здесь удивляться-то особенно не приходится. Но вот почему. Посмотрите, пожалуйста, как резко отличаются набросанные в этом кишлаке сталинские высотки. Не потому что Сталин, а потому что была идея. Правильная она была, неправильная — это не имеет сейчас никакого значения. Эти здания выражали идею. Эти пробиваемые и расширяемые улицы старой Москвы выражали идею. И поэтому они существуют. И потому это интересно смотреть. И поэтому приезжающие иностранцы с восторгом смотрят на здание Университета и т. д., хотя, в общем-то, это, наверное, не самое лучшее в мире архитектурное произведение. Но это — идея, ибо идея рождает город, идея рождает страну.

Какая же идея сейчас? Идея базара. Просто базара. Она никем не изобреталась, она есть как есть, и внешний облик Москвы полностью ей соответствует. Более того, эта идея множится и увеличивается. Посмотрите, пожалуйста, на окраины. Они представляют собой очень плохо нарисованные рекламы, ужасные, сплошняком. В центре, наверное, Московская городская дума ещё как-то следит за этим, а вот окраины — это уже просто... Ну, я такое видел в Стамбуле, очень похоже, очень. **(В ответ на реплику)** Второй Рим? Да, кстати, оттуда же. И поэтому идея воплощается в архитектуре, воплощается в форме, она воплощается во всём.

Далее. Наши дуумвиры, — ах если бы они могли вот так побеседовать, как вы, о величии Москвы, о её славном прошлом, вообще о Третьем, Втором ли Риме, и о том, кто мы такие! Думаю, что нет, там гораздо проще, там есть другая идея: надо что-то делать, уж больно неказист Новый Арбат, по которому я еду!

Простите, пожалуйста, это что — столица великой страны? Вспомните Нью-Йорк, я уже не говорю о Париже и Лондоне. Откуда эти мощнейшие здания, которые поднялись там? Это выражение экономической мощи страны. Кстати сказать, не во всём Нью-Йорке так, это только на Манхэттене. Но это лицо страны, и они не случайно объявили: мы американцы, мы гордимся, посмотрите, какая у нас история! Не просто так это взялось. Может быть, построить такую махину недёшево стоило, но это отвечает идее, сплачивающей страну.

Значит, что нужно сделать сначала, чтобы преобразовать эту столицу, в которой я сейчас живу и которую очень люблю, потому что это столица моей страны? Я не могу её не любить, тем более Вы [А. Балдину] так рассказывали о Льве Николаевиче, я его тоже люблю. Что же нужно? Думать, кто мы есть вообще, и не по поводу Москвы, а по поводу страны, — думать, чего мы хотим, что мы хотим строить. И поверьте мне, Москва изменится.

Сейчас, мне так кажется, это истерический выход из того что есть: «давайте сделаем что-то новое». А что? А чёрт его знает, что-нибудь да новое,

как вы говорите. Не знаю что, но не это. Я думал на эту тему, но поскольку я мыслитель небольшой, простите, я просто расскажу, что пришло в голову.

Что отсюда можно выводить, вывозить, во всяком случае, убирать? Не правительство, потому что идея России строится на централизации, чиновничестве, от этого никуда не уйдёшь. Я как-то раз говорил об этом и был осмеян, но, поверьте мне, это так. Выводить и вывозить отсюда нужно всё, что мешает, а именно финансы, промышленность, торговлю, оставляя здесь, говорю совершенно серьёзно, чиновничество.

И не надо создавать никаких протуберанцев. Нужно менять существующую Москву, перестраивая её, перестраивая на лучших архитектурных образцах, используя то, что было, и освобождая её от не свойственных ей функций. В данном случае, мне кажется, Кремль — основа столицы. Об этом нужно думать.

А. Н. Привалов

Я должен заметить, что для депутата Государственной думы, для действующего федерального политика Вы поразительно странно рассуждаете. Вы хотите отодвинуть финансы от чиновников. Вы были сейчас серьёзны?

В. В. Бортко

Вы правы, это очень сложно. Когда у нас устанавливалась так называемая башня, «кукурузина»¹⁴, — там ведь что произошло и почему она не построена? Это поразительно: потому что «кукурузина» была газпромовская, но Газпром боролся с Газпромом. Тот Газпром, которому велют строить, он строил, а основной Газпром, который, собственно, деньги-то получает, категорически не хотел переезжать отсюда, с Рублёвки, на эти болота.

А. Н. Привалов

Не с Рублёвки, а с улицы Намёткина. Все москвичи это знают.

Лев Александрович Аннинский — прошу Вас!

Л. А. Аннинский

Я, когда езжу по Средней России, то в средне-крупных городах всё время спрашиваю: «Каково вам живётся?» Ответ один и тот же: пока мы не достигли миллиона — жить можно, но как только достигаем миллиона — жить невозможно. Тогда я мысленно спрашиваю: а как в Москве, вообще говоря, жить?

¹⁴ Башня «Охта», предполагаемая штаб-квартира Газпрома в Санкт-Петербурге; проектная высота — 430 метров.

А если есть на земном шаре несколько таких агломераций, как Мехико, Нью-Йорк или Москва, — в них вообще жить-то можно или нельзя? И ощущение такое, что все эти гигантские скопления людей заходят в некоторый тупик, и как они будут из тупика выбираться, никто не знает. Не знают, прежде всего, они сами. А если не выбираться из этого тупика, а оставаться вот такими гигантскими скоплениями людей, то города эти перестанут быть столицами национальных государств, потому что никакого национального единства не будет в таком пёстром, диком скоплении людей, которые приезжают непонятно откуда и уезжают непонятно куда.

Наша тема — экзамен на «столичность». Я сейчас немножко поездил по этим городам, далёким и не слишком далёким от столицы. Могу сказать о настроениях близкой мне молодой интеллигенции. О сибиряках говорить не буду. Молодая сибирская интеллигенция настроена копить, возрождать, сохранять, развивать русскую культуру, но так, чтобы это Сибирью прирастало, потому что на Москву они уже немного готовы махнуть рукой.

Вот три примера из моих теперешних странствий.

Существует ежегодный конкурс Чехова на лучшего рассказчика. Где проходят торжества? В Таганроге. На таганрогских улицах, там, где была контора и где торговал отец будущего писателя. В этих торжествах не пахнет ни чеховской Москвой, ни Мелихово. Не то что специально забыли, а просто понимают, что им не это надо.

Ещё один пример. Только что исполнилось 95 лет газете «Нижегородская правда». Было грандиозное празднество. Из всех соседних областей съехались журналисты. Это местные журналисты. Никакая Москва им не светит. И они, съехавшись там, в Нижнем, друг другу рассказывают, что они пишут. Друг другу! Дарят публикации: журнальчики, газетки местные. Грандиозный праздник местной культуры, которая должна сама себя кормить. И ни в какую столицу они не стремятся, они хотят строить культуру на совершенно новом, всероссийском основании. Это 95 лет, а что будет, когда исполнится 100 лет?

И третий пример, которым я завершу мою трилогию. Я только что побывал в городе Ульяновске, бывшем Симбирске. Побывал впервые — пригласили на юбилей Гончарова. Мне показали центр. Там в 1970 году сдали такой экзамен на «столичность», о котором и теперь вспоминают. Как же надо было не любить Симбирск, чтобы его так переверестроить! Да Владимир-то Ильич в Симбирске не был ни разу после того как ему вручили аттестат об окончании училища. Он этот город не любил. Зачем надо было делать вот эту столичную вариацию?! А это такая столичная вариация: как бульдозером срезали весь старый центр города, чтобы освободить место для мемориала.

Я не хочу сказать, что там были какие-то шедевры, просто был старый купеческий русский город. Его срезали как таковой, вообще. И получился такой плац, на котором выстроили нечто гигантское в память о Владимире Ильиче.

Меня что потрясло — мне старых храмов жалко. Ну, говорят, храмы мы выстроим в другом месте. Ладно. Но вот улицы, дома! Видимо, совесть заболела под конец у архитекторов: взяли два домика и не то чтобы сохранили, а реконструировали, врезали «цитатами» в этот гигантский мемориальный..., даже не знаю, как это назвать, — параллелограмм какой-то.

Знаете, у меня, конечно, душа заболела, но больше всего она заболела вот от какого страха: хоть бы уж это не сносили дальше! Оставьте уж теперь этот плац, этот памятник нашей вере в вождя мирового пролетариата. Это же тоже наша реальность.

А мы, между прочим, и от этой реальности потихонечку уходим. И есть куда! В городе Ульяновске есть настоящий исторический культ Ульянова — Ильи Николаевича. Куратор всех училищ губернии Илья Николаевич Ульянов был уникально любимый в городе человек; то есть если кого-то сейчас вспоминают с теплом, то отца, а не сына. Сделали поразительное надгробие, настоящий памятник. Более того, дом, который Илья Николаевич купил, переехав в Симбирск (они-то все первоначально в основном жили в Нижнем), двухэтажный, 145 квадратных метров, — этот дом сохранён весь, и во всём микрорайоне вокруг него создан мемориал. Наконец-то поняли, что надо хранить память о том, что было, а не о том, что нам воображалось.

Что ещё меня поразило в городе Симбирске. Ну, кто там ещё был-то, кроме Ульяновых? (**Реплика:** «Керенский»). Сейчас до Керенского дойдём. Я его на закуску оставляю. Там жил Карамзин, между прочим. Карамзину памятник тоже есть. По-моему, жуткий, в стиле классицизма. Там изображена какая-то тётка в виде богини Клио, а полупортрет Карамзина врезан где-то сбоку этого пьедестала. Но тем не менее памятник есть, и полтора-ста лет он уже стоит, и никто его не разрушает.

Есть ещё один жуткий памятник, Карлу Марксу, 1922 года. Чудовищный! Но его тоже оставили. Оставили как памятник тогдашнему стилю. И правильно! Пусть стоит. Наконец — совершенно поразительный памятник Гончарову, Обломову и всему, что с ним связано.

По поводу 200-летия. У нас сейчас 200 лет чего? Пожара Москвы? А это ещё — 200 лет со дня рождения Гончарова. Так вот, мероприятие, на которое я был приглашён, не что иное как круглый стол по части того, что мы сейчас можем сказать об Обломове. Я сказал, что никогда им специально не занимался. Ну, тогда скажи, что хочешь. Мне захотелось ответить на вопрос,

существовал ли Штольц или это порождение Обломова, но я сейчас не об этом. Я о круглом столе.

Он был проведён в рамках международного кинофестиваля, на который был приглашён, естественно, Никита Михалков, который когда-то сделал фильм об Обломове. Михалков не приехал. Так этот кинофестиваль был чьего имени? Не угадаете! Валентины Леонтьевой, телевизионной дивы прошлых эпох! Она симбирячка, там и умерла. Ей поставлен памятник, очень интересный. Как теперь принято, из металла, но без всякого пьедестала, просто сидит женщина на стульчике прямо на бульварчике. А в двадцати шагах, на другой стороне бульварчика, за дорожкой, — продолжение памятника: её столик, и на столике её очки. И представляете, не разбиты, не сломаны, не украдены эти декоративные очки. Меня этот памятник потряс. Бережностью.

В заключение о Керенском¹⁵. Вспомнили, кто вручил аттестат зрелости выпускнику Владимиру Ульянову, брат которого только что собирался убить царя: Фёдор Керенский. А у Фёдора Керенского в учениках был его сын Саша, помоложе Володи. Так вот этот сын Саша [Керенский] был претендентом на всенародную любовь в 1917 году. Я о Керенском только и знал байку про женское платье, в которое якобы он переоделся, чтобы бежать из Петрограда, — выдуманную чушь, которую он опровергал. Прожил Александр Керенский до 90 лет, написал в Америке замечательные мемуары. Так вот: в мемориале Ленина висит портрет Керенского, рядом с портретом Ленина, в такой же точно технике сделанный. Я, правда, спросил: почему размеры разные, у вас Ленин заметно больше, чем Керенский? Ну, говорят, может быть, потом мы это исправим, но техника одна и та же. И историческая справедливость начинает понемногу торжествовать.

Хватит нам продолжать гражданскую войну. Когда-нибудь мы её кончим, начнётся другая. Но хотя бы эту надо, наконец, закончить.

Что я могу сказать в заключение? Невозможно представить себе, что будет с Москвой, потому что невозможно представить себе, что будет с Россией, потому что невозможно представить себе, что будет на евразийском континенте и на всём земном шаре. Происходит какая-то глобальная перемена. А какая — мы ещё не можем понять. Если здесь сохранится великая столица, — я сомневаюсь, что её надо сравнивать с Римом, с Византией или ещё с чем-то подобным. Четвёртому не бывать, а будет шестой, седьмой, прочий. А вот какой будет? Сохранит ли русскую культуру этот агломерат,

¹⁵ Керенский Александр Фёдорович (1881–1970) — министр юстиции Временного правительства, заместитель председателя Петроградского совета, премьер-министр России (1917 г.). После восстания, организованного Военно-революционным комитетом при Петроградском совете, бежал из Петрограда (ноябрь 1917 г.).

Аннинский Л. А.

или он будет непонятно чем? Вот это вопрос вопросов. Я только знаю одно: новая интеллигенция, с которой я там общаюсь, борется за русскую культуру, не веря, что это можно сделать через экзамен на «столичность».

В заключение сошлюсь на замечательного публициста Сергея Караганова, который недавно высказал свою заветную мечту: ну ладно, говорит, Питер построили, и Москва всю жизнь строилась, но вот ещё и Нижний хочет быть «карманом» России, третьим её городом... Нет, говорит, надо нам подальше на Восток, и делать столицей ещё один «Питер» (он так уже и называется) — Владивосток. И если нам удастся это сделать, тогда мы с вами в этом кругу будем продолжать обсуждать эти проблемы. А если нет — извините.

А. Н. Привалов

Ответ довольно жёсткий. Экзамен на «столичность» в изложении Льва Александровича Москва точно не выдерживает.

Владимир Николаевич Горлов, географ, — пожалуйста, Вам слово.

В. Н. Горлов

Я, честно говоря, пребываю в некоторых сомнениях по поводу целесообразности собственного выступления, потому что я шёл на одну тему, а попал на другую.

Я скептически отношусь к тем случаям, когда без нужды начинают восхвалять великий русский народ за его щедрость, доброту и т. д., дальше все эпитеты по определённому списку, хотя дед мой коренной русский — крестьянин из Орехово-Зуевского района, и все мои корни оттуда.

У меня первоначальная задача была совсем другая. Я сейчас нахожусь в этом самом международном проекте-конкурсе по стратегии развития Москвы на новой территории и хотел немного об этом рассказать и показать слайды, что там происходит реально. Ну, коль скоро здесь были выступления несколько другого характера, я вынужден чуть-чуть ввязаться в возникшую дискуссию. Поэтому я буду говорить очень тезисно.

Первое. Я много лет с профессиональным интересом слежу за деятельностью депутатов Мосгордумы, и мне уже даже перестало быть стыдно за тех, кого мы туда избрали. Уже перестало. Раньше я даже переживал по поводу многих их решений. Я понимаю, что в Москве нет гражданского общества, и поэтому, кого власти в думу назначают — того и избирают. Беды Москвы во многом проистекают из того, что в городе нет гражданского общества. Население Москвы не организовано, оно не в состоянии сформулировать набор разумных требований, которые нормальное гражданское общество предъявляет своим депутатам и власти. Поэтому в Москве можно делать всё или почти всё, что нужно. Вопрос только один: кому нужно? Вот это надо очень хорошо понимать и рассматривать всё происходящее в жизни города через эту призму.

Прошлый раз в декабре мы обсуждали здесь проблему развития Москвы на новой территории, у нас был круглый стол, на котором было много профессионалов в этом вопросе. Кипели страсти, но их очень легко остудил Андрей Владимирович Шаронов, который сказал примерно так: «Вы чего критикуете здесь проект расширения Москвы? Есть политическое решение — ваша задача думать над тем, как реализовать этот проект, обсуждать его уже поздно».

Хочу обратить ваше внимание на то, что мы постоянно путаем два понятия: «развитие» и «расширение». В медицинском смысле расширение организма чаще всего кончается смертью. Город тоже организм, только другого типа. Развитие города — это вовсе не его бесконечное расширение, это непрерывная трансформация функций каждого городского места. Вот если бы Москва развивалась по пути трансформации функций места, выбрасывая постоянно устаревшие функции и на этом месте формируя новые, — вот тогда это была бы столица Евразии, чего хотите — хоть мира.

Горлов В. Н.

Что мы творим в городе? Вот вам пример. Два месяца назад архитектурная общественность Москвы по инициативе правительства города бурно обсуждала проблему, чем новым занять якобы высвобождающуюся площадку ЗИЛа. А сегодня из прессы поступило сообщение, что в это же время правительство Москвы вместе со Сбербанком договорились с западным капиталом о реанимации ЗИЛа, и на нём будут собирать (там этим занимаются на конвейере вьетнамцы) 150 000 грузовиков. Вот вам и развитие, вот вам и новая функция места. Сегодня поступила ещё более интересная информация. Вы все знаете, что на месте бывшего автозавода «АЗЛК» работает французская фирма, которая собирает свои модели легковых машин. Фирма решила удвоить конвейерную сборку легковых машин в Москве. Большого безумия для города — столицы России, который позиционируют как общегосударственный центр инновационного развития страны, представить невозможно. Вот вам и вся инноватика! Это как осиноый кол, который власти забивают в территорию города, рядом — второй кол, ещё рядом — третий кол.

Второе. В Москве существует набор мифов, которые одни повторяют, потому что не разбираются в этом деле, а вторые — потому что так положено.

Миф первый: в Москве нет свободных для застройки территорий. Это неверно. В Москве есть порядка 15 000 га земли, которые можно использовать, только для этого нужно приложить соответствующие усилия. Приведу только один пример. Вы все знаете, где находится Пушкинский сквер. Если пройти по Бульварному кольцу за кинотеатр «Россия», вы увидите слева огромный парк и бывший медицинский комплекс, включая институт и завод имени Грибановского. Всю эту территорию кто-то выкупил, и она лет пять стоит пустая. Это разве не территория?

В Москве существует около сотни промышленных предприятий, которые на самом деле никакую промышленную деятельность уже много лет не ведут. Это площадки, зарегистрированные как промышленные предприятия. Оборудование выброшено, и там можно увидеть любые другие виды деятельности. В городе вдоль железных дорог существуют бывшие склады Министерства обороны, на которых давно уже хранятся не военное имущество, а коммерческие грузы. Таких примеров по городу достаточно.

Миф второй: беды Москвы — от кольцевой структуры транспортных коммуникаций. В Москве огромные вокзалы и огромные по площади при вокзальные наросты в виде так называемых промышленных зон. К вокзалам идут многочисленные подъездные пути, которые режут живую ткань постройки города на куски и деформируют кольцевую структуру его транспортных коммуникаций. Если бы в Москве была выстроена нормальная кольцевая система, город не имел бы тех транспортных проблем, которые он имеет сегодня. Поэтому говорить, что радиально-кольцевая система неверна, — это никто математически не доказал.

Москва переполнена такого рода мифами. Эти мифы очень удобны, потому что они позволяют многое на них списывать.

Мы знаем, что последние двадцать лет главным драйвером развития экономики Москвы был строительный бизнес. В то же время мы знаем, что города мира зарабатывают деньги не на строительном бизнесе, а на налоге на недвижимость и на землю. Почему в Москве не вводят западную систему налогообложения? Социально-политический фактор мешает? Есть расчёты, показывающие, что можно лишиться основной части денег, которые Москва зарабатывает сегодня на строительном бизнесе, и заменить их налогами. Но понятно, что если человек уже купил в Москве три-четыре инвестиционные квартиры, то он будет сопротивляться до последнего, чтобы такие налоги в городе не ввели. И, видимо, существует определённое лобби, которое делает всё, чтобы эта система не была запущена.

Ещё один, очень своеобразный и часто по инерции используемый миф: Москва — город, обеспеченный высококвалифицированными кадрами. К сожалению это уже *миф*. Москва за последние двадцать лет потеряла основную часть квалифицированных кадров в промышленности, в аппарате управления и в науке. Сходите, например, в Фили на завод им. Хруничева. Кто там работает лекальщиками? Лекальщики там из Коврова, которые приезжают на пять дней в Москву на работу из Владимирской области. Таких примеров по городу уйма. Квалифицированные инженерные, рабочие и научные кадры в основном пропали. Старая система их воспроизводства разрушена, а новую создавать не стали.

Между тем Москве нужно найти своё оригинальное направление развития, соответствующее её статусу столицы и ведущего центра страны, сформулировать и спрогнозировать свою долгосрочную научную и промышленную политику.

Что касается идеи выхода города застройкой на новую территорию, я, честно говоря, думаю, что пока реальность реализации этого решения — пятьдесят на пятьдесят. Например, только что появился ещё один, альтернативный проект. Г-н В. Анисимов (предприниматель, миллиардер) предложил совершенно другой вариант застройки новой территории: вынести федеральные органы власти в район Домодедово на ранее купленные им земли. Наверное, вы знаете об этом. Я уверен, что скоро кто-то ещё, у кого тоже в собственности есть 4–5 тысяч га земли, предложит свой конкурентный вариант. Поэтому проект новой застройки Москвы ещё «поплавает» по территории присоединённых земель. А население города пока полностью исключено из принятия решений по всем этим делам.

Так что, всё что происходит в жизни и развитии Москвы, очень интересно, очень красиво, очень сложно, очень проблемно и предельно удивительно.

(В ответ на реплику) К сожалению это не утопия, это реалии. В них мы и живём.

А. Н. Привалов

Следующий выступающий — Максим Вениаминович Перов, вице-президент Союза архитекторов. Прошу Вас.

М. В. Перов

Несколько тезисов по теме и коротко — к выступлениям.

Смотрите, Москва развивалась через какую-то чёткую самоидентификацию во все времена, собственно говоря, начиная с Третьего Рима, когда захолустный городок, затерянный в лесах, сам себя, как Мюнхаузен,

Перов М. В.

за волосы вытащил из болота через вот эту идею Третьего Рима. Я соглашусь, что сказка, но в данном случае сказка сработала. И она работала несколько сотен лет.

Дальше Москва прошла несколько очень интересных развилок, в том числе в 1812 году, когда у Москвы был шанс перестроиться, так как после пожара возникла чистая площадка, говоря современным языком, и, в общем, мало что мешало структуру радикально поменять. Но здесь петербуржцы вполне осознанно восстановили то что было, ровно в тех же красных линиях. Петербуржцы вообще не очень сильно любят Москву. Как-то очень болезненно относятся к критике своего города, в отличие от москвичей, а вот по отношению к Москве обычно позволяют разные высказывания.

Я долго думал, почему у петербуржцев вообще такое отношение к крупным городам? Потом понял. За последние лет восемьдесят у них возник определённый комплекс: разрыв сознания. Они каждый день видят перед собой имперский город, имперскую столицу Санкт-Петербург, а содержание-то — совершенно областное. Это формирует их специфическое

отношение и к Москве. **(В ответ на реплики)** Ну, это я по поводу кишлака. Я не полемизирую, я просто москвич в шестом поколении.

Дальше Москва прошла ещё несколько развилок, причём большинство из них были связаны с новой идентификацией, новым национальным проектом. Вот «красный проект», который, собственно говоря, и обусловил экспоненциальное развитие Москвы в XX веке. Но при этом очень интересно, что бурное развитие происходило в относительно короткий период времени, а дальше проект как-то стал очень интересно меняться.

Послевоенные высотки, кстати говоря, это на самом деле оборонительная система башен, когда после Второй мировой войны было осознано, что мировой революции-то не будет. Вот тогда и возникла эта система обороны. Высотки — это крепость, переход к другой стратегии. Очень интересные штуки. А архитекторы-то смотрят в Москве, кстати, не на это. Когда приезжают зарубежные архитекторы, они просят только одно — конструктивизм (продукт «красного проекта»). Это вообще чуть ли не единственный значимый вклад Москвы, России в мировую архитектуру.

Далее. Последние двадцать лет, как справедливо было замечено, существует такая хищническая политика, которую можно назвать максимизацией земельной ренты. А она себя исчерпала, потому что и велась-то довольно безграмотно. Просто продавали первые попавшиеся куски. Экстенсивный путь развития. До интенсивного не дошло.

Что фактически произошло сейчас? Я не вижу никакой национальной идеи, которая требовала бы или развития, или переосмысления столицы. Я, во всяком случае, об этом не слышал. Было высказано несколько национальных идей, например: энергетическая сверхдержава, ещё ряд проектов. Но они как-то не прошли. Национальная идея не просматривается.

Проект переноса столицы лишён всяческого сакрального смысла в моём понимании. А чисто технически имеет значение, как это сделали в Джакарте, как сделала раньше Индия, как сделали Филиппины. Где-то это было успешно, где-то менее успешно, где-то совсем не успешно. Но это такое явление, вполне исчерпывающе описанное Максимом Соколовым (журналист, публицист) в эссе «Медведевский Версаль»¹⁶, опубликованном, в журнале «Эксперт». Технически это вполне возможно. Может быть, даже удобно, потому что чиновничество сейчас страдает от такого размещения. **(В ответ на реплику)** Страдает. Министерское — уверяю вас. Министерства имеют четыре-пять-шесть зданий в разных концах Москвы, это крайне неудобно. Они вынуждены

¹⁶ Медведевский Версаль / Максим Соколов // Эксперт. 2011. N 25. С. 104.

постоянно кататься между этими зданиями. Это чисто технически неудобно.

Нужен ли такой технический проект за городом? Я вхожу в Экспертный совет конкурса, поэтому волей-неволей знаком со всеми проектами по конкурсу и с тем, в каком направлении развивается идея. Может быть, за городом, а может быть, и не за городом. Кстати, скорее удобнее и дешевле найти такое место внутри Москвы, на том же ЗИЛе, вместо выпуска грузовиков.

Я думаю, что конкурс очень хорошо это показывает. И, кстати, там никакой дискриминации русских команд не было. Я сам участвовал в отборе, отбор происходил совершенно по-честному, по гамбургскому счёту, и в конкурсе не пять команд, а девять. Одну отчислили, вернее, прекратили финансирование команды МАРХИ, — по условиям конкурса, всё совершенно по-честному.

В этом смысле идею расширения Москвы в целом я всё-таки рассматриваю как чисто техническое предложение, отчасти с некоторым оттенком политики, что очень полезно для самой Москвы, потому что этот конкурс и проблематизирует ситуацию, и показывает огромные резервы развития. Москву можно привести более или менее в порядок, в нормальный город с заданными параметрами. Если это получится, если к результатам конкурса прислушаются, — будет просто здорово.

А. Н. Привалов

Замечательно. Тут было сказано прямо обратное тому, что мы просили. Зато оптимистично. Москва не способна породить новый проект. Да на что он нужен этот проект! И так всё можно сделать по-человечески. На самом деле, это хорошо.

Следующий выступающий у нас — Владимир Александрович Димов, главный научный сотрудник Института экономики РАН. Прошу Вас.

В. А. Димов

В общем, здесь проходит дискуссия, это очень приятно. Разные точки зрения, и каждый из нас имеет свою точку зрения. С двенадцатым годом последняя связка прозвучала хорошо: была возможность построить новый город. Но его построили на старых принципах, может быть. Но с другой стороны, мы этот город любим. Он исторически так складывался. И я думаю, Михаил Юрьевич Лермонтов и другие русские поэты, которые писали восторженные стихи о Москве, в гробах бы перевернулись, если бы услышали про кишлаки и всё остальное в этом роде.

А. Н. Привалов

Не-а, они были парни закалённые.

Димов В. А.

В. А. ДИМОВ

А может, не перевернулись бы, да. Я хочу сказать, что страсти немножко преувеличены. В каком смысле? Если вы помните, до войны был такой знаменитый сталинский проект, когда взорвали Храм Христа Спасителя и на его базе очень умные, даже заумные архитекторы пытались построить Дворец Советов. Был такой проект и даже была попытка начать стройку. Вы знаете, чем это закончилось. Это закончилось так же, как и другие утопии власти.

Александр Иванович Герцен как-то однажды сказал, чем отличаются западные правительства от российского правительства. Он сказал, что западные правительства мыслят будущее своих народов в категориях будущего, а русское правительство (понятно, какое правительство он имел в виду: это был Николай «Палкин»¹⁷, потом начало царствования Александра II) пытается руководить, постоянно переписывая историю.

¹⁷ Император Николай I (Николай Павлович), прозванный в народе «Палкиным».

По-моему, эта реплика закрывает всё. Конечно, страна, где элита пытается управлять экономикой напрямую, нуждается в больших национальных проектах, действенных и эффективных. Но такие проекты, как показывает практика последних двадцати лет, не рождаются, и мы их не имеем. И вот попытка сделать из Большой Москвы, из этого «галстука», большой национальный проект, по-моему, немного утопична и обречена на медленное угасание, трансформацию, может быть, даже полное исчезновение. На мой взгляд, всё-таки это больше напоминает очередную «потёмкинскую деревню».

Здесь была озвучена, по-моему, очень правильная мысль. По мере развития гражданского общества и самосознания москвичей как граждан, я думаю, будут внесены поправки в самые сумасшедшие, самые нереальные, самые фантастические утопические проекты. В этом плане я оптимист.

В. В. Бортко

По поводу строительства Дворца Советов, почему он не был построен. Долго думали, как отговорить Сталина, который очень хотел его построить, а потом нашли что сказать. Здание должно было быть почти километр высотой, а наверху — примерно пятисотметровый Владимир Ильич Ленин. И ему сказали: понимаете Иосиф Виссарионович, у нас погода чаще всего плохая: туманы и низкая облачность. Вот представьте себе утро, этот дом, и вдруг облака, а оттуда — две ноги в ботинках. Это будет несколько странно. И поэтому не надо нам этого, постройте что-нибудь другое.

А. Н. Привалов

А я слышал, что они просто фундамент утопили в болоте. Но это неважно.

Я хотел бы осведомить собравшихся, что у меня два последних выступающих, после чего мы подведём черту. Разумеется, мы дадим возможность высказаться докладчикам.

Я предоставляю слово Александру Владимировичу Голубеву, Институт российской истории.

А. В. Голубев

Уважаемые коллеги, я, как всегда, попытаюсь быть кратким. Мне бы не хотелось комментировать доклады с их огромным количеством исторических параллелей и сопряжений. Там было много любопытного, но, на мой взгляд, не так много верного.

Я ограничусь несколькими частными замечаниями.

Голубев А. В.

Первое. Идеология мировой революции в тридцатые годы почти не пропагандировалась и тем более не определяла практическую политику. На смену ей пришла, как называют её историки, «идеология осаждённой крепости», причём в ней явственно проявлялись, хотя далеко не доминировали, имперские мотивы.

К началу пятидесятих годов эти имперские мотивы заметно усилились, и СССР уже мог претендовать на роль мировой империи. Я не знаю, как это сопрягается с историей архитектуры, но если говорить об истории политики и идеологии, там ситуация именно такая.

Второе. Была ли Москва Третьим Римом? Я согласен с одним из выступавших в том, что это, может быть, и сказка, но эта сказка, точнее легенда, реально существовала в московской традиции и оказывала определённое влияние на русскую историю. Даже сейчас отголоски этой легенды просматриваются в современном российском дискурсе.

Конечно, Москва не Рим, но и Константинополь не Рим по большому счёту. Рим существовал и существует в единственном числе. Третьим

Римом Москву называли как столицу истинного христианства (читай — православия). Сначала таковой был Рим, затем, после раскола церковей, Константинополь, и наконец, после падения Византии в мире осталась одна православная держава — Московская Русь. Соответственно её столица и стала одновременно религиозной столицей православного (то есть подлинно христианского, по убеждению москвичей) мира.

Впрочем, не только в религиозном, но и в метафорическом смысле Москва однажды Римом побывала — если понимать «Рим» как мировую столицу или одну из мировых столиц, которую любят, ненавидят, на которую надеются, которую боятся, в которую приезжают учиться и которую приезжают изучать. Понятно, что это была Москва — столица Большого советского проекта. Вот это, если угодно, «римский период» в истории Москвы.

Наконец, последнее. Меня немного насторожила версия, которую предложили как объяснение расширения Москвы. Я слышал разные обоснования появления у Москвы пресловутого «галстука», в том числе и здесь, на заседаниях Никитского клуба, но ни одно из них мне не казалось достаточно убедительным. Но то, что я услышал сегодня, а именно подготовка столицы для будущей Великой Евразии, удивляет даже на этом фоне.

Я немного знаю историю успешных империй в момент их возникновения и первоначального роста. Я представляю, как выглядели столицы этих государств. Вспомните картину Валентина Серова, где изображён Пётр I на строительстве Петербурга: много грязи, доски какие-то валяются, неоконченные постройки... Вот вам столица успешной, растущей — и, главное, уже существующей — империи (хотя, строго говоря, титул императора Пётр в то время ещё не принял).

Если у нас под евразийский проект, не только что не начавший осуществляться, но даже толком и не проговорённый, уже начинают строить столицу, я как историк боюсь, что он осуществлён уже никогда и не будет, а нам останется только его мёртвая скорлупа в виде стеклянно-бетонных или даже мраморных коробок.

А. Н. Привалов

Спасибо большое, Александр Владимирович. Всегда восхищаюсь Вашим умением работать с регламентом.

Сергей Викторович Егерев — прошу Вас.

С. В. Егерев

Возвращаясь к теме нашего заседания, я хочу сказать, что, кажется, в мировой истории не было примеров, когда развалившаяся империя снова собиралась вокруг того же самого центра. Если постсоветское пространство

Егерева С. В.

когда-нибудь снова объединится, то четвёртым Римом, наверное, будет не Москва, а какой-то другой центр, может быть, Киев, Астана, Таганрог. Но тот факт, что Москве больше не бывать столицей гипер-, суперимперии, не означает, что мы не можем запустить большой проект по созданию комфортного пространства на территории московского региона. И здесь, если я правильно понял мысль Александра Николаевича [Привалова], я с ней согласен: заманчиво привести вот эту многократно упомянутую уже часть Московской области в завидный кусочек России. Нужно убрать имеющиеся там скотомогильники, мусорные свалки, вывести войсковые части, устроить там ОПЖР — уважаемые присутствующие архитекторы, конечно, знают, что это за аббревиатура, оставшаяся нам с советских времён (опытно-показательный жилой район). Желательно, чтобы это пространство было зелёным, ведь роза ветров такая, что юго-западное направление доминирует. Что на юго-западе построят — тем в «старой» Москве дышать будут.

Но главное, о чём бы я хотел сказать, — это даже не то, над чем работать, а как принимать сегодня решения. Мы все знаем, что есть такой

банковский термин — «стресс-тест». Банки искусственно подвергают экстремальным нагрузкам с целью выявить слабые места в их работе. Так вот сейчас время такое, что сама жизнь устраивает стресс-тест всем российским институтам и органам. Поскрипывают у нас сегодня институты, не исключение здесь и институты градостроительства, градостроительного планирования. А ведь хорошо известно, что если систему шатают, она поскрипывает и подвергается стрессу, то гигантски возрастают ответственность и цена поспешных решений, указов, подписанных «на коленке» законов, принятых сразу в трёх чтениях.

Это обстоятельство, относится и к вопросам, связанным с масштабными градостроительными проектами. Причём очень часто математические модели показывают, что в таких ситуациях хуже поспешных действий ничего нет, лучше вообще ничего не делать, «лежать на боку», немного выждать, получить дополнительную информацию, подумать, обсудить.

В российской истории, а именно в истории Москвы, был известнейший случай. Конец XIV века, Тамерлан наступает как раз с юго-западного направления и уже близок к Москве. Войско его насчитывает невероятную по тем временам силу — под 500 тысяч сабель. Москвичи даже особенно и не готовились к отражению. Они заперли лавки, дома, кто мог, ушёл в ближайшие леса. Великая княгиня во Владимире истово молилась перед иконой Божьей матери. Божья мать явилась во сне Тамерлану, тот «убоялся» и повернул восвояси.

Реакция москвичей была весьма достойная. Получив весть о чудесном спасении Москвы, они не устроили истерических митингов. Население вернулось, приняло новые обстоятельства к сведению, открылись лавки, питейные заведения, пошла прежняя будничная жизнь. Москвичи явили всей России спокойное, несуетное отношение к происходящему, что было достойно жителей набирающей силу великой столицы.

Возможно, этот опыт предков следует перенять, наложить мораторий на поспешные и суетливые действия. Пусть градостроительные решения, а также новые отношения Москвы и области будут приняты не в пулемётном темпе, но будут мудрыми, прозрачными и с запасом прочности. Цена ошибки в 2012 году, несомненно, гораздо выше, чем в году 2011 (отмена зимнего времени и пр.).

И последнее, не имеющее отношения к византийскости и римскости. Когда граждане, живущие в начале Кутузовского проспекта, узнали, что я отправляюсь на такое важное собрание, они очень просили меня узнать, не знает ли кто, куда делся памятник Тарасу Григорьевичу Шевченко и что за странное строительство происходит на этой чудесной зелёной лужайке перед «Украиной»? Причём это вопрос не праздный. Вы не представляете,

какие фантастические теории строят местные бабушки, детство которых прошло под этим памятником. Поэтому, если кто знает, пожалуйста, скажите.

А. Н. Привалов

Господа, я присоединяюсь к просьбе. Кто знает, куда дели Тараса Григорьевича?

Реплика

Видимо, это огораживают гайд-парки один за другим.

А. Н. Привалов

(**В ответ на реплику** о памятнике Горькому) У Горького всё было просто. У него на пьедестале было написано: «А.М. Горькому от советского правительства». Советское правительство поставило, советское правительство сняло.

С. В. Егоров

Но там хотя бы из прессы задолго было известно, что его снимают. А тут просто враз исчез.

В. Н. Горлов

Ответ здесь простой. Кому принадлежит гостиница «Украина»? Чигиринскому. К нему и вопрос.

А. Н. Привалов

Это не ответ, господа. Позитивного знания на поставленный вопрос мы не предъявили, поэтому объявляю следующего выступающего. Виктор Петрович Мазурик, прошу Вас.

В. П. Мазурик

Вы знаете, я востоковед, и у меня, конечно, нет никаких рецептов, тем более на последний тотальный вопрос ответить не могу. Но я хочу дать небольшую сравнительную картинку с известной мне Японией. Иногда взгляд со стороны поучителен.

В старину, казалось бы, всё было очень просто. Что такое столица? Как и сама этимология слова явствует, это город, где находится монарший престол. Япония — монархия. Но даже в средние века всё было не так просто. Административный центр там в бурные эпохи несколько раз отделялся от столицы и странствовал по стране, удаляясь то на восток, то в Камакуру. И наконец, в начале XVII века, с 1603 года, упокоился там

Мазурик В. П.

административный центр, а во второй половине XVIII века переселился туда и культурный центр. После открытия страны для общения с Европой в 1867 году туда вынужден был переехать император, потому что его уже повлекла, по-современному выражаясь, геополитика, финансовые потоки и прочее.

В результате рыбацкий город Эдо стал Токио, что буквально означает «восточная столица». Знаете, как реагируют на это японцы? До сих пор в Киото, реальной столице, исторической, для императора буквально каждое утро готовят завтрак в его императорском дворце. Они не оставили надежду на то, что император вернётся в Киото, и вот тогда начнётся настоящая история Японии, а не та, которая была повреждена этой навязанной американцами вестернизацией, современными геополитическими бурями и т. д.

Что такое современный токийский мегаполис? С точки зрения самих токийцев, а тем более окружающих, это тихий ужас, и возник он путём безудержной, как они сами выражаются, наглой спекуляции с землёй. Мы можем сколько угодно возмущаться коррупцией, воровством, этим

хищническим растаскиванием земли, но мы должны в то же время считаться с этим. Это некая реальность, которую мы пока изменить не в силах. И они, как всегда это бывает по-японски, научились, они облекли это такими буферными всякими устройствами, которые помогли им избежать самых уродливых явлений.

Но мы не японцы, мы так действовать не умеем, поэтому есть опасность, что у нас могут быть всякие перекосы. Но при этом мы должны учитывать, что мы живём в совершенно другую эпоху — не для нашего государства, а для мира. Учитывать, что сейчас происходит глобальная перестройка и политики, и экономики, и это имеет такие скорости и масштабы, что предсказать судьбу столицы и на бумаге спланировать в каком-то штабе, как это будет развиваться... Толстой тут сказал бы, что только промысел Божий и какое-то броуновское движение народов, уже не российских, а мировых, могут решить судьбу Москвы. Мне кажется, так.

А. Н. Привалов

Наконец последний выступающий сказал, кто решит судьбу Москвы: промысел Божий. У всех нас отлегло от сердца.

Государи мои, я предоставляю слово для ответных реплик уважаемым докладчикам.

Р. Э. Рахматуллин

Спасибо. Ответов много, поскольку говорилось о разном. Мне бы просто «спуститься», как нас призывали, и с этого, и с того края стола, поскольку я занимаюсь градозащитой повседневно, но благодарен за возможность «воспарить».

Разговор, предположим, о хищнической системе предыдущего двадцатилетия был бы не праздным. Здесь множество деталей, которые стоит обсудить детально. Например, никогда такого не было, чтобы первый этаж принадлежал не тем, кому принадлежат остальные, и чтобы жители верхних этажей ничего не имели от того, что продаётся на первом этаже. Никогда, пожалуй, не было, чтобы хозяин доходного дома решал свои материальные проблемы продажей восьмой квартиры при сохранении за собой седьмой и одиннадцатой. Не было такого, чтобы возникала чересполосица форм собственности внутри многоквартирного дома. Когда уже никто не понимает, как спасти фасад такого дома, в котором сосредоточены четыре формы собственности. Но это, правда, другая тема.

А я хотел бы снова «воспарить» — и сразу заметить, что мы говорили сегодня о кризисе московской идентичности. На мой взгляд, многое из того, что было сказано, само по себе было проявлением кризиса московской

идентичности. Когда мы говорим, что Третий Рим это сказка, — ну как же так, господа? Во-первых, Филофей не говорит: «Москва — Третий Рим». Это говорит его анонимный продолжатель, затем это затверживается в грамоте восточных патриархов об учреждении Московского патриаршества. Филофей же говорит: «Царство нашего государя — Третий Рим».

На минуту предположим, что неважно, Москва ли столица царства или Петербург. В чём смысл этого утверждения? Это просто констатация того, что центр силы восточной Европы перешёл сюда. Не вследствие, предположим, женитьбы Ивана III на Софии Палеолог, а в силу хода вещей. В итоге многовекового действия этой силы освобождены от польского, литовского, турецкого, персидского владычества дюжина стран восточного христианства. Это и есть восточно-римская задача Третьего Рима. Восточно-римская задача России.

Проекция этой мысли на образ города — следующая тема. Я совершенно уверен, что до Нового времени почти никто в Москве не интересовался буквальной проекцией Первого Рима на Москву. Хотя ландшафтное сходство двух городов — потрясающее. Почти уверен, что только архитекторы-классицисты стали видеть в долине нижней Неглинной долину Форума, на Кремлёвском холме — Палатинские дворцы, а на арбатской стороне — Капитолий. Но это не означает, что Москва не была Римом прежде. Безусловно, в Средние века преобладал иерусалимский аспект уподобления. Конечно, сознательно, в том числе градостроительно и символически, средневековая Москва хотела быть, прежде всего, Иерусалимом. В «шестивиях на осляти» и во многих других подробностях. Но в итоге Москва воплотила полную формулу «Третий Рим — Второй Иерусалим». Это означает: столица империи удерживает, задерживает, не пускает антихриста — Второй Рим встречает Христа, грядущего со славой. Это две стороны одной эсхатологической (эсхатология — религиозное учение о конечных судьбах мира и человека. — *Ред.*) формулы.

Ещё можно заметить, хотя нет времени это доказывать, что Киев находит себя Иерусалимом, не находя себя Римом, то есть центром силы, и сейчас это, безусловно, так. Отсюда невозможность сохранения древнерусской столичности в Киеве. Петербург, наоборот, находит себя Римом, не находя себя Иерусалимом, центром святости. И только Москва находит и ощущает себя тем и другим.

Когда Михаил Иванович приводил несколько воспоминаний французов, — это выборка субъективная. Вспомните, сколько раз они сравнивают зрелище Москвы со зрелищем Иерусалима. В отставной столице, из которой ушла римская компонента власти, они отчётливо видят иерусалимское начало. И заметьте, Москва как столица, из которой вышло римское силовое

начало, не может одержать верх в поединке Бородина, но одерживает верх в жертве — пожаре. Это, безусловно, иерусалимское начало, иерусалимская составляющая Москвы.

Если мы отказываемся от высоких аналогий, мы теряем идентичность и не находим другой.

Далее. Были реплики о кишлаке и о дворянскости. Что такое кишлак? Разве Москва — город без окон на улицу, с коровами, ночующими на плоских крышах? В Москве господствовал тип виллы, который не господствует, например, в Риме. В Риме господствует плотная фасадная застройка, дома плечом к плечу, с развитыми дворами-атриумами. В Петербурге аналогичный тип застройки отличается неразвитостью атриумов — там дворы-колодцы. В московском случае, повторю, доминирует городская усадьба, то, что Рим называет виллой: свободная постановка строений, с двором и садом. Это совершенно патрицианское устройство. Оно придаёт городу размах, поэтому Москва больше других европейских городов. Конечно, это дворянский город.

Но странно противопоставлять дворянство столичности. И в допетровской Москве служащего придворного дворянства, и в послепетровской Москве не служащего отставного дворянства главный тип застройки, городская вилла, сохранялся. Чаще с постановкой палат посередине двора. Это верно и для XVII и для XVIII века. Только в пореформенную эпоху этот тип стал меняться на урбанизированный «римский» тип, когда четвёртый этаж вылезает как новый первый, то есть три этажа жилья подпираются торговым этажом с витринами. Постепенно начинают вылезать пятый, шестой, а дома становятся плечом к плечу. Но второй тип застройки не смог целиком сменить первый, они соседствуют.

Отсюда ощущение разнородности Москвы. Да, но это не драма, не трагедия, это специфика Москвы.

Упоминалась Екатерининская больница как резерв застройки. Помилуйте, это усадьба князей Гагариных с огромным садом. Какой резерв застройки? Больница потому и съехала оттуда, что закон о наследии не позволяет строить в этом парке новые корпуса.

Назвать Москву Стамбулом — передержка, допущенная ещё Бродским в его известном эссе («Путешествие в Стамбул». — *Ред.*) Видя Стамбул, размышлять о Константинополе сложно. Но парцелляция, то есть нарезка домовладений там подлинно римская. Трущобные дома, узкие по фасаду, готовые к следующему землетрясению, занимают узкие участки и поэтому тянутся вглубь и вверх. В Риме та же нарезка унаследована романским городом, ей соответствует малый габарит автомобилей и предпочтительные мотоциклов. В Риме есть этот древний мелкий масштаб, который

сочетается с ренессансно-барочным макро-масштабом. Возвращаясь к Константинополю: мы не видим того города, который уничтожен Стамбулом.

Говорили о советском проекте как о великом. До советского проекта было несколько великих проектов, и я согласен, что проект города это, прежде всего, проект мира. Если нет проекта устройства мира — нет смысла создавать проект города.

Первый московский великий проект есть новый Киев, это проект Ивана Калиты и святого Петра, Митрополита Киевского. Это внутрирусский проект.

Второй великий московский проект — это проект Ивана III и его наследников, длившийся до опричного срыва, до середины царствования Грозного. Проект, венчаемый храмом Василия Блаженного, который, конечно, совершенно римский, о чём знают все историки архитектуры, изучающие ренессансные планы. Но это такой скрытый Рим. Видите, он и для вас оказывается неочевидным. А в действительности это абсолютно ренессансный, какой-нибудь брамантовский¹⁸, сангалловский¹⁹ план.

Есть проект первых Романовых, проект города, в котором церкви стали, а палаты постепенно становились каменными, город в стиле узорочья²⁰, дивного узорочья. Этот проект связан, конечно, с возвратом Никона и Алексея Михайловича в общевизантийский, восточно-христианский горизонт.

Следующий большой, великий проект — романтический проект Николая I и Тона²¹: проект Кремлёвского дворца и храма Христа Спасителя — новый византизм, третий извод того же сюжета, когда мы освобождаем часть Армении, даём свободу нескольким балканским странам и подходим к стенам Константинополя.

Так что ленинско-сталинский проект был в этом ряду шестым или седьмым. Не говоря уже о смене имперской парадигмы — когда, например,

¹⁸ Донато Браманте (итал. *Donato (Donnino) di Pascuccio di Antonio detto il Bramante*, 1444–1514) — основоположник и крупнейший представитель архитектуры Высокого Возрождения. Наиболее известная работа — базилика Святого Петра в Ватикане, главный храм западного христианства.

¹⁹ Джулиано да Сангалло (итал. *Giuliano da Sangallo*), рожд. Джулиано Джамберти (итал. *Giuliano Giamberti*) (ок. 1445–1516) — флорентийский инженер, архитектор.

²⁰ Русское узорочье (московское узорочье) — архитектурный стиль, сформировавшийся в XVII в. на территории Московской Руси, характеризовавшийся затейливыми формами, обилием декора, сложностью композиции и живописностью силуэта.

²¹ Тон Константин Андреевич (1794–1881) — русский архитектор, разработавший т. н. «русско-византийский стиль» храмового зодчества, получивший широкое распространение в правление Николая I.

вместо Армении начинает поддерживаться Турция, что невозможно в стратегии Российской Империи.

Далее, прозвучало стереотипное: Петербург не воспользовался пожаром, чтобы изменить планировку Москвы. Друзья, Москва самый идеальный город мира. Любой ренессансный архитектор, взглянув на план Москвы, где естественным образом сходящиеся двенадцать дорог окружаются несколькими кольцами, понимает, что более идеального плана нет. И Екатерина, которая перечертила все русские города на манер древнеримского лагеря, не притронулась к Москве. В том числе и потому, что в Москве было не три-четыре каменных дома, а несколько тысяч, стоящих по сложившимся красным линиям. Никто и никогда даже в тех городах, где таких домов было три-четыре, не стал бы их ломать.

И последнее. Здесь прозвучали слова «стол», «престол». Да, престол пуст. Престол в тронном зале Кремлёвского дворца пуст, и от этого во многом действительно происходят наши проблемы. Михаил Иванович вспоминал суждение Екатерины о Москве как бунтовщице. Екатерина говорила это как жительница Палатина, ушедшего на Неву, в отношении Капитолия и Авентина²², оставшихся на Москве-реке, то есть в отношении аристократической и плебейской республики.

Важно пользоваться римскими терминами, потому что они дают ключи к градостроительству в его связи с социологией и структурой власти. Москва после Петра осталась Капитолием без Палатина. Все имена римских холмов сходятся в Москве. Но президент — не помазанник, президент — только избранный чиновник. Узел проблем состоит в том, что эта старая сакральная структура тяжело ложится на республиканское устройство. Когда мы говорим, что президент должен покинуть Кремль, мы как будто говорим, что избранному чиновнику не место в царском дворце, и мы вроде бы правы. С другой стороны, когда мы так говорим, мы опустошаем Палатин.

У меня нет ответов, только вопросы. Но если мы отказываемся от системы координат, традиционно римской, константинопольской, иерусалимской; если мы мыслим с чистого листа, — мы мыслим по-петербургски, мы мыслим по-опричному. А мыслить по-опричному — это значит сказать: всё, мы запутались, здесь ничего не понятно, уходим на болото.

А. Н. Привалов

Спасибо. В финале прозвучало очень трогательное слово «болото».

²² Авентин (лат. *Aventinus*) — плебейский холм Рима, находился на левом берегу реки Тибр к юго-западу от Палатина.

А. Н. Балдин

Во-первых, спасибо большое. Чувства — противоречивые. С одной стороны, по-моему, состоялся очень московский разговор. Мозаичный немножко, кто во что горазд. Но были и связи, кстати говоря, очень насыщенные и красивые. Но всё же главное чувство моё — тревога.

Я с тревогой слежу за метаморфозами Москвы. Когда говорю о Москве, я говорю о форме сознания. Москва в этом смысле существо антропоморфное. Большая-пребольшая голова. И в этой большой голове сейчас творится хаос, который мы отчасти сейчас продемонстрировали. Предложение было договаривать какие-то темы. Видимо, это невозможно. Это невозможно, потому что пьеса двенадцатого года продолжается. Всё идёт по толстовскому сценарию. Хаос нарастает. По крайней мере, можно следить за игрой совпадений.

Двадцать четвёртого июня к нам придёт Наполеон. Лев Николаевич блестяще описал, как с вступлением Антихриста Буонапарте начинается осыпание (внутреннее отступление) Москвы. Весёлое, с балами и интересными разговорами. Никогда Москва так не веселилась, как в то лето... Так пишет Толстой. Так и было, он писал на основании документов, писем, наблюдений современников и прочее. В самом деле весело. Кто-то сразу бежит из Москвы. Московская барыня трогается с места сразу же, как только Наполеон переходит Неман. Она понимает, что между Неманом и Москвой нет никакой серьёзной преграды, всё смута и хаос. И никакие уверения Ростопчина²³, что Наполеона и близко нет, что он никогда не будет в Москве, её не останавливают. Наоборот, как только Ростопчин заявил, что Наполеона в Москве не будет, она побежала ещё быстрее...

В общем, мне одновременно радостно от того, что звучит столько идей: мы выслушали противоречивые, но всё-таки очень яркие выступления. И тревожно — за то, что хаос не избыт. Видимо, мы опять будем дожидаться чуда, морозов в августе, как у Булгакова. Морозы побили змей профессора Персикова, ползущих на Москву страшным полукольцом [М.А. Булгаков. «Роковые яйца»]. С юго-запада. Пожары прогнали Лужкова и т. д. В общем, посмотрим. Чувства противоречивые. Тревога пополам с надеждой, ждём чуда. Спасибо большое.

М. И. Москвин-Тарханов

Можно ещё несколько слов? Всё-таки надо кое на что ответить.

Во-первых, московский бюджет складывается из двух налогов: налог

²³ Граф (с 1799) Фёдор Васильевич Ростопчин (1763–1826) — русский государственный деятель, генерал от инфантерии, фаворит императора Павла и руководитель его внешней политики, московский градоначальник и генерал.

на прибыль предприятий — более 40% и налог на доходы физических лиц — около 40%. А ещё до 10% — это налог на имущество. Всего порядка 90% поступлений в московский бюджет — это налоги. А вот тот самый несчастный стройкомплекс в самые лучшие годы — 6,6%, а в обычные годы — 2–3–4%. Вот вам и драйвер. Как говорил Бенедикт Спиноза, *ignorantia non est argumentum* (невежество не есть аргумент. — *Ред.*)

А. Н. Привалов

Это разные вещи.

М. И. Москвин-Тарханов

Это разные вещи, хорошо, я согласен. Это первое.

Второе. Я всё время слышу про Москву, — это уже снова возвращаясь в высокие материи, — что это дворянский город, римский город. У меня прямо боль, как у Саввы Морозова! Когда мы слышим, что это город дворянский, — у нас раздражение со времён русского модерна. «Это не ваш город, — говорим мы дворянам, — это наш город, купеческий город». А про пролетариев мы ничего не скажем.

Р. Э. Рахматуллин

Михаил Иванович, торговый этаж под тремя жилыми впервые появился в доме на Большой Никитской в 1839 году — четырехэтажный дом с нижними витринами. И это был доходный дом княгини Голицыной.

М. И. Москвин-Тарханов

И последнее. Когда мы говорим о том, что мы присоединили территорию, нас никто не обязывает завтра её начинать застраивать или что-то с ней делать. Мы получили эту территорию, и будем внимательно смотреть, что там можно, что нельзя. По уму, спокойно разбираясь в этом деле. А вовсе не собираемся завтра же начать там громоздить бетонные коробки. Это совсем не так.

Теперь мой прогноз. Я не хотел это говорить, но скажу: там окажется, скорее, только часть федеральной власти, и это будет парламент. Да, а вот насчёт остальной власти — не знаю. Но, по-моему, парламент там обязательно окажется.

А. Н. Привалов

Спор, дворянский город Москва или купеческий, разрешён жизнью. По-дворянски чай пили с лимоном, по-купечески — с апельсином. Как Москва пьёт? По-дворянски. Вопрос снят.

Р. Э. Рахматуллин

Это спор Авентина с Капитолием в отсутствие царя на Палатине.

А. Н. Привалов

А теперь по поводу того, ради чего мы собрались. Кто с радостью (хотя нет, с радостью — никто), кто спокойно, кто с большими нервными затратами утверждает, что экзамен на столичность Москва сейчас пройти не может, проекта у неё нет. Многие говорили, что это, в общем, даже и хорошо, потому что и так сильно трясёт, а потому делать проект это некое безумие. Все, кто когда-то занимался хождением по горам, знают, инструкторы это говорят на первом же занятии, что попал на осыпь — лежи и не шевелись, вообще не шевелись. В этом есть резон. Так что, может быть, то, что мы сегодня не готовы сдать экзамен на столичность, это очень печально с точки зрения календаря: 12-й год вроде бы настаивает, а мы вроде бы не можем. Но только с точки зрения календаря. Время ещё терпит.

А теперь, что касается конкретно истории с Большой Москвой. Едучи сюда, я слышал по радио новость, которую, несомненно, знают некоторые из наших гостей: на сегодняшнем заседании Московской городской думы, не помню, то ли принято решение, то ли сказано, что сейчас будет принято решение (а Московская городская дума чем хороша, хочет принять решение — принимает) немножко увеличить возможности муниципальных в Москве, которые Лужковым ведь втоптаны в асфальт, их просто нет. Что-то им позволят обсуждать. Им позволят обсуждать, например, застройку на подведомственных им территориях. До тех пор им были подведомственны только лавочки на бульварах, а теперь им ещё немножечко позволят поговорить. Я условно говорю, Михаил Иванович [Москвин-Тарханов], я не юридически цитирую.

Сам факт, что такое движение произошло в самой дисциплинированной во вселенной Московской городской думе, показывает, что лёд тронулся.

На переломе чего возникла история с юго-западным галстуком? На переломе нескольких тенденций. Первая тенденция — консолидация бюджета. Начиная примерно с 1993 года, когда вообще появился бюджет в России, доля федерального бюджета в консолидированном только росла. Под дружным руководством господ Путина и Кудрина (один как политик, другой как финансист) этот процесс был доведён до абсолюта, дальше уже некуда. На этом предельном увеличении доли федерального бюджета в консолидированном и родилась, в частности, идея галстука Москвы. Это первая тенденция, которая там и сломалась. Дальше эта доля будет снижаться.

Вторая тенденция. Соответственно с долей федерального бюджета — не только с ней, но и по многим другим соображениям — росла влияние

федеральных ведомств исполнительной власти. Росла влияние, численность, и даже не численность чиновников, которые там получают зарплату, а численность не поддающихся статистике лоббистов, которые вокруг них вьются. Умножьте долю денег на 17 (на 17 тысяч, на 17 миллионов) — получите потенциал влияния. Потенциал влияния в Москве тоже был максимален ровно тогда, когда было принято это решение. Теперь он будет, я надеюсь, уменьшаться.

Так что я согласен: присоединить — присоединим, ничего там делаться не будет. Никакое правительство туда, конечно, ни за что и никогда не поедет. Если парламент покажет полную свою ненужность, его переселят туда, не покажет — не переселят.

На этой оптимистической ноте я позволю себе закрыть наше замечательное заседание. Спасибо!

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий

«Россия в глобальном контексте». Выпуск 57

Москва 2012 года: экзамен на «столичность» — М., 2012. — 60 с.

Москва в канун юбилея Отечественной войны 1812 года. Исторические ассоциации на расстоянии двух столетий: война, ставшая особым испытанием для уничтоженной пожаром столицы России (1812), и экзамен на «столичность» (2012).

Решение об удвоении Москвы принято. Как это скажется на её дальнейшей «римской» судьбе? В какой степени сегодня Москва — столица, а Россия — метрополия?

На предыдущих заседаниях Никитского клуба по поводу расширения Москвы выступали географы, архитекторы. В обсуждении, стенограмма которого представлена в данном Выпуске НК, слово предоставлено москвоведом.

УДК 711.432

ББК 85.118(2-2 Москва)

Никитский клуб
Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 57
Москва 2012 года: экзамен на «столичность»

Редактор выпуска Н. М. Румянцева

Фото ММВБ–РТС

Вёрстка М. Ю. Иванюшин

Подписано в печать 20.07.2012.

Заказ 07586. Тираж 400 экз.

© ММВБ-РТС, 2012

© Никитский клуб, 2012